

ТАТЬЯНА АДРИЕВСКАЯ

ТЫ *МОЯ*
(не) **МАМА**

Татьяна Адриевская

Ты (не) моя мама

«Автор»

2023

Адриевская Т.

Ты (не) моя мама / Т. Адриевская — «Автор», 2023

Я работаю в известном модном доме Владислава Ярчинского. Он - опекун моей дочери, от которой я была вынуждена отказаться десять лет назад. Моя судьба зависит только от решения этого человека. Либо он не подпустит... либо поможет вернуть мою настоящую дочь.

© Адриевская Т., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	36
Глава 9	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Татьяна Адриевская

Ты (не) моя мама

Пролог

Алёна. 5 лет.

Мамочка идёт очень быстро, я не успеваю за ней. Я стараюсь, спешу изо всех сил, но ничего не получается. Мои ножки заплетаются, и я падаю. Больно! Хочется плакать, но мне нельзя. Мамочка опять расстроится, а я не хочу её расстраивать. Ладони и коленочки щиплет, на них появляются ранки. Я закрываю глазки, сильно-сильно, и жду, когда заснёт, когда можно будет посмотреть.

– Лёна! Покажи ручки. – Мамочка поворачивает мои ладошки, её голос грустный и всё такой же странный.

Не расстраивайся, мамочка, я ведь не плачу!

– Ничего страшного, сейчас вымоем ручки, – говорит она тихо.

Мамочка подхватывает меня и идёт ещё быстрее, чем прежде. Я крепко-крепко обнимаю её шею, носиком прижимаюсь к её волосам. Мама вкусно пахнет, как цветочек. Она всегда говорит, что я уже большая, что мне нельзя на ручки. Но сейчас почему-то можно.

Дома нас ждёт Китя, он очень пушистый и всегда хочет кушать. Я хочу погладить его, но мама не разрешает, уводит меня мыть ручки. Ладони щиплет сильнее из-за теплой водички, но я не жалуюсь и не плачу. Ведь я уже большая, я не должна плакать.

Теперь я знаю, почему взрослые не плачут, они просто не хотят никого пугать. Я видела, как плачет мамочка, это страшно. И я больше не хочу её расстраивать.

Мамочка укладывает мои платяшки в сумку, я спрашиваю зачем, но мама не отвечает. Даже по комнате она ходит быстро, и на меня не смотрит.

– Лёна, возьми несколько своих игрушек и положи в сумку. Мы поедем погостить к тётке Любе.

– Почему?

Мама отворачивается и отходит к окну. Глубоко вздыхает, затем ещё и ещё. Мне снова становится страшно. Я не хочу расстраивать мамочку, я хочу подойти к ней и обнять. Но она уходит на кухню и закрывает дверь. Я слышу громкий звук журчащей воды, и ещё какие-то странные звуки. Из-за них сердечко бьётся быстро-быстро.

Когда мама возвращается, она снова улыбается. Помогает мне собрать игрушки. Я больше ничего не спрашиваю, но мама говорит сама:

– Котёнок, маме нужно ненадолго уехать.

– Ненадолго – это насколько? – спрашиваю я.

– Я не знаю. Может быть на день, или на два. В это время ты побудешь с тёткой Любой.

Тётя Люба хорошая, она всегда печёт сладости, когда мы приезжаем в гости. Но я хочу быть там, где мамочка.

– А можно мне поехать с тобой?

– Нет, Лёна. Я не могу взять тебя с собой.

– Почему?

– Потому что деткам туда нельзя.

Когда мы приезжаем к тётке Любе, она угощает меня шоколадными кексами и разрешает посмотреть мультфильм. Мамочка уходит в другую комнату, они с тёткой Любой о чём-то разговаривают. Долго, мультик скоро закончится, как и чай.

Мультик закончился и я выключаю телевизор. Ко мне заходит мамочка, она улыбается и гладит меня по головке. Её ручки почему-то дрожат. Я сильно расстроила мамочку, она теперь сама на себя непохожа.

– Алёна, солнышко моё, я должна ехать. Слушайся тетю Любу, хорошо?

– А когда ты приедешь?

– Я постараюсь вернуться как можно раньше.

– Раньше это во сколько?

– Через несколько дней.

– А как я узнаю сколько дней прошло?

Мамочка снимает с руки свои часики и даёт мне.

– Посмотри вот на эти цифры в окошке. Это дата сегодняшнего числа. Сегодня четвертое августа. Завтра эта цифра сменится на пятое число. И когда тут появится цифра шесть, я приеду. Хорошо?

Я киваю, глядя на бегущие стрелочки. Мама обнимает меня крепко-крепко, осыпает лицо поцелуями и уходит.

Я часто смотрю на циферки, но циферка пять никак не появляется. Даже когда мы с тетей Любой готовимся ко сну, в окошечке продолжает сидеть циферка четыре.

Циферка пять появляется после того, как я проснулась. Я очень радуюсь. Теперь нужно подождать когда появится циферка шесть.

– Тетя Люба, а циферки тут меняются, только когда поспишь?

Тетя Люба смотрит на часы и улыбается.

– Да, а что?

– Мама сказала, когда тут появится цифра шесть, она придёт.

– Значит, подождём, – смеётся тетя Люба и гладит меня по голове.

Вечером я пытаюсь поскорее уснуть, чтобы наступило шестое число. Но на утро на часах продолжает стоять циферка пять. Наверное, я сделала что-то не так. Поэтому, жду ещё одно утро, но циферка пять снова не исчезает.

Подхожу к тётке Любе и даю ей часики.

– Тетя Люба, а почему цифра шесть никак не появляется?

Она щурится, глядя на циферблат, моргает, а затем долго смотрит на меня.

– Эти часики встали, Алёна, – отвечает тетя Люба и вздыхает. – Циферка шесть на них не появится...

Глава 1

Наталья. Настоящее время.

– Добрый день. Проходите, – раздался ровный спокойный голос, едва я успела подойти к приоткрытой двери кабинета.

Негромко выдохнула, стараясь не поддаваться панике, и шагнула вглубь просторного, выполненного в серо-коричневых тонах, помещения. Напротив письменного стола, развернувшись полубоком ко мне, стоял мужчина. Высокий, широкоплечий, подтянутый брюнет. Его чуть отросшие больше положенного волосы завивались на кончиках полукольцами, а отпущенная за неделю щетина, наряду с высокими заостренными скулами, придавала его лицу ещё больше мужественности.

– Добрый день, – негромко поздоровалась я.

Взгляд упал на белоснежную папку, лежавшую прямо посередине стола. В тусклом освещении кабинета она отливала белизной и притягивала взгляд. Я знала, что в ней. Как и то, зачем Владислав Ярчинский пригласил меня на личную беседу. Но подписать эти документы я не могла.

– Присядьте, Наталья, – мужской голос звучал всё так же ровно.

В несколько шагов преодолела расстояние до стола и опустилась на выдвинутый для меня стул. Небрежным взмахом руки Ярчинский пододвинул папку к краю стола, поближе к моему месту и проговорил:

– Здесь новые условия по контракту. Ознакомьтесь, пожалуйста.

– Спасибо, этим займётся мой юрист, – вежливо кивнула, зажимая напряжёнными пальцами папку.

– Условия остаются прежними, меняется только состав второстепенных моделей...

– Тогда я не смогу подписать, – тихо, но твёрдо заявила я, перебив уверенную речь мужчины.

На пару мгновений в кабинете повисло неловкое молчание, а затем в воздухе раздался вполне ожидаемый вопрос:

– И какова причина?

– Я согласна работать только с Алёной.

Владислав выпрямился, его глаза моментально сменили свой привычный оттенок с тёмно-зелёного на черно-зелёный.

– Моя племянница больше не может принимать участия в вашем проекте. Через два месяца она переезжает в свой новый дом.

– Да, но ваша сестра...

– Моей сестры больше нет, – холодно напомнил Ярчинский, полоснув по мне острым взглядом. – Как только я оформлю опеку, Алёна переедет ко мне и оставит этот город.

– Хорошо, – терпеливо кивнула, а в голове набатом стучало страшное слово «уедет». – С вашего разрешения я могла бы приступить к работе в основном филиале компании.

– То есть вы хотите переехать? – недоумённо переспросил Владислав.

– Да.

– Из-за моей племянницы? Я не понимаю...

– Без Алёны я не смогу завершить коллекцию.

И снова повисла томительная пауза. Я замерла в ожидании ответа, не смея вздохнуть, в то время как Ярчинский изучал меня странным растерянным взглядом. Он опустил локти на стол, сложив перед лицом пальцы в замок, и холодно спросил:

– Вы меня за дурака держите?

– Ни в коем случае, – выдохнула я.

– Но в то же время пытаетесь убедить меня, что без моей племянницы не сможете выполнить свою работу, за которую я вам уже заплатил.

– Если мы не сможем договориться, я верну аванс.

– Чтобы мы с вами смогли договориться, я бы хотел узнать истинную причину такого интереса к моим близким родственникам. Почему вам нужна именно Алёна?

– Я выполняю последнюю волю вашей сестры, – постаралась ответить как можно равнодушнее, но едва справлялась с эмоциями. – К тому же Алёна очень хотела работать со мной.

– Вы действительно считаете, что моей племяннице сейчас есть дело до модных показов? Сердце болезненно сжалось, когда я вспомнила тихий плач разбитой горем девочки.

«Мама, только не оставляй меня... снова...»

Это жуткое слово вонзало мне иглы в сердце, медленно, мучительно, одну за другой. С Алёной это действительно происходило снова...

– Нет, я так не считаю, – хрипло ответила я, пряча взгляд. – Но вашей племяннице сейчас необходима поддержка. За последние полгода мы с ней неплохо сдружились.

Ярчинский вздохнул и откинулся на спинку стула.

– Думаю, вы правы, Наталья. Мы с вами не сможем договориться. Если вас не устраивают условия нынешнего контракта, вы можете его не подписывать, – деловым тоном изрёк он. – Учитывая, что изначальные условия сделки были несколько иными, будем считать выплаченный вам ранее аванс моральной компенсацией за неудобства. Спасибо за уделённое мне время, больше я вас задерживать не смею.

Пальцы рук и ног онемели от охватившего меня холода. Я смотрела в одну точку, не желая признавать, что это конец. Медленно поднялась со стула, вежливо кивнула Ярчинскому, и на ватных ногах пошла к выходу.

Бессмысленно. Он не поймёт, не подпустит, не даст с ней общаться.

У меня нет другого выхода. Я должна сказать...

От моего резкого разворота взгляд тёмно-зелёных глаз вновь сосредоточился на мне. Брови едва заметно сдвинулись к переносице, и Владислав задал вопрос:

– Передумали?

– Ваша племянница – моя родная дочь, – выпалила я на одном дыхании, погружая кабинет в полнейшую тишину.

Дом моды Надежды Ярчинской специализируется на создании и пошиве модной одежды для детей и подростков. Молодой и перспективный дизайнер основала своё детище семь лет назад вместе с мужем, с которым впоследствии развелась, примерно через два с половиной года с момента основания компании. Ярчинскую поддержал брат, они расширили бизнес и теперь у них три крупных филиала, а так же сеть специализированных магазинов под брендами «Чудо-детки» – для малышек и «Фокс» – для подростков.

Для сотрудничества с Ярчинской меня интересовала линия по производству одежды для подростков. С недавнего времени линейку новинок представляла её приёмный ребёнок – Алёна Ярчинская. Год назад, когда я смогла найти свою родную дочь, увидела жизнь, в которой она теперь существовала, я дала себе слово не вмешиваться. Пять лет назад я потеряла на это право, подписав отказ от собственного ребёнка. Весь год я наблюдала за Алёной со стороны, радовалась её успехам и одновременно умирала от мысли, что она, возможно, даже не помнила моего лица.

Всё изменилось, стоило мне узнать о болезни Надежды. Я не смогла оставаться в стороне. Словно сама судьба подталкивала меня взять второй шанс, который я не рискнула упустить.

Я решила первой написать Ярчинской о сотрудничестве. И она заинтересовалась. Никаких планов, направленных на завоевание доверия Алёны у меня изначально не было. Я просто хотела хоть одним глазком увидеть её. Воочию. Услышать её голос, запомнить его таким, каким он стал спустя пять долгих лет нашей разлуки.

Когда я впервые была представлена Алёне, моё страшное предположение подтвердилось – дочка действительно не помнила лица своей родной матери. Я много думала об этом во время нашей разлуки, боялась, что если судьба преподнесёт нам встречу лицом к лицу, она узнает меня и задаст главный вопрос, на который я не смогу ответить, как бы ни желала этого.

В информации, представленной СМИ нигде не упоминалось, что Алёна приёмная дочь. Надежда отзывалась о ней, как о родной, и относилась так же – с большой любовью. Любовью, которой Алёна была лишена когда-то. Мною.

Самое ужасное, о страшной болезни своей приёмной матери она ничего не знала. И это казалось мне самой большой ошибкой Надежды. Мне было обидно за дочь до скрежета зубов, но вмешиваться не смела.

Наше сближение с Алёной произошло неосознанно. По крайней мере, для неё. Каждый раз, когда мы виделись, я жадно слушала каждое её слово, представляла истории из её жизни так, словно проживала их вместе с ней. Она никогда не говорила о своей прошлой жизни, лишь о прекрасных счастливых моментах, которые ей подарила Надежда.

Насколько же несправедливой бывает жизнь. Когда я писала отказ от собственной дочери, я мечтала умереть на месте, а в итоге умерла та, кто дал ей новую жизнь и семью. И теперь глядя в тёмно-зелёные глаза её брата – Владислава Ярчинского, я молила лишь об одном – оставить мне возможность видеться с Алёной.

– Что вы несёте? – глухо спросил Ярчинский, чуть ослабив галстук. – Вы в своём уме?

Мне понятна его реакция. О том, что Алёна для семьи Ярчинских не родная, знали единицы. И теперь этот мужчина гадал, откуда я могла выведать эту информацию. Всё просто – я была родной матерью его приёмной племянницы.

– В своём, – подтвердила тихо. – Я знаю, что Алёна была удочерена Надеждой в возрасте пяти лет...

– Я не знаю, каким образом вы узнали эту информацию, но в одном я точно уверен – если бы вы посмели сказать подобное моей сестре, она бы вас на пушечный выстрел не подпустила к Алёне.

– Ваша сестра знала... – выдохнула я.

– Что?!

– На протяжении последних трёх месяцев Надежда знала, что я – настоящая мать её дочери...

Владислав шумно втянул ноздрями воздух, словно взбешённый жеребец, и грозно про-
рокотал:

– Убирайтесь вон из моего кабинета.

– Владислав, послушайте...

– Я сказал вон! – выдал он ещё громче, заставив меня вздрогнуть.

Вцепилась в сумочку, борясь за остатки самообладания. Глаза невольно наполнились слезами, и я резко отвернулась, зажимая рот рукой. Я ошиблась, решив, что после моего признания, Ярчинский выслушает меня. Но и показывать своё моральное состояние я не хотела. Расправив плечи, быстрым шагом направилась к двери.

– Наталья! – окликнул меня Владислав у самого выхода.

Я замерла, почувствовав внутри себя, где-то глубоко-глубоко, крохотный, едва уловимый лучик надежды. Повернулась к Ярчинскому, столкнувшись с холодной вязкой трясинной его ледяных глаз.

– Что бы вы себе не воображали, как бы себя не убеждали, у моей племянницы была только одна настоящая мать – это моя сестра, – проговорил он, рассыпая по воздуху звенящие льдинки.

Возразить мне было нечем. Молча шагнув в коридор, я закрыла дверь и согнулась пополам от боли. Ведь он во всём прав... Я ничтожная мать.

Глава 2

Владислав.

В голове полный бардак. Разговор с Натальей Райнес полностью лишил меня покоя.

«Ваша племянница – моя родная дочь...»

Востребованный высокооплачиваемый дизайнер с безупречной репутацией – кукушка, бросившая свою дочь? Это в голове не укладывалось. Сколько ещё скелетов в шкафу у этой дамочки? Зачем явилась в жизнь Алёны спустя столько времени? И на что она пойдёт, чтобы вновь начать общаться с ней? Нужно проконсультироваться с юристом, и понять, может ли она каким-то образом восстановить права на дочь. А ещё лучше разузнать о ней больше информации. И как можно быстрее.

Подъехал к дому сестры и посмотрел на горящий свет в окнах. Сестры не было с нами больше недели, а я всё ещё не могу свыкнуться с мыслью, что не она откроет мне дверь. Боль снова раздирает грудь с такой силой, будто хочет разорвать её на двое. А ведь одинокой девочке сейчас в разы сложнее. Но Алёна держится. Она на удивление сильная.

Поднимаюсь на лифте, пытаюсь не думать о проблемах. Наш филиал осиротел без главного дизайнера, и честно говоря, я хотел предложить эту должность Райнес, но это было до того, как она разоткровенничалась со мной. Не верю, что моя сестра знала правду. Сейчас Наталья может говорить всё что угодно, ведь её слова больше некому подтвердить.

На пороге меня встретила Раиса, домработница Надежды. Её потускневшие с возрастом глаза смотрели на меня настороженно. Ещё одна осиротевшая. Мы не говорим об этом, но когда мы с Алёной уедем, ей придётся найти себе новую работу.

– Добрый вечер, Владислав Валерьевич! – Вежливо кивнула она. – Вы как раз к ужину.

Поставил портфель на тумбу и прошёл на кухню. Запах стоял изумительный, запечённая рыба с овощами была ещё горячеей. Только едоков не наблюдалось.

– А где Алёна?

– Она в своей комнате, делает уроки, – ответила Раиса. – Она отказалась от ужина.

– Ясно.

Я нахмурился, взял со стола свежее яблоко и направился в комнату Алёны. Постучал несколько раз, и после тихого: «Можно», открыл дверь.

Алёна сидела за столом, что-то рисуя. Подняла на меня взгляд и так и застыла с карандашом в руках. Я невольно отметил, что глаза у неё красные. Снова плакала в тайне от всех.

– Привет, – улыбнулся я ей.

– Здравствуйте, – пролепетала племянница, убирая листок в ящик стола.

Что бы она ни рисовала – к урокам это никакого отношения не имеет.

– Алёна, мы же договаривались, – напомнил я о неуместной субординации.

Она тут же смутилась, нервно поправила волосы, и поправилась:

– Привет.

Смущается ещё, но ничего, привыкнет.

– Будешь? – протянул ей яблоко.

Алёна, помедлив, всё-таки забрала фрукт и поблагодарила. Раньше мы не так часто виделись. Не больше чем раз в месяц, ну и на праздниках. Всё-таки жили мы с сестрой в разных городах, хоть и всегда поддерживали связь.

– Как прошёл день? – спросил я, чтобы хоть как-то заглушить звенящую тишину между нами.

– Хорошо, – тут же ответила племянница, отводя взгляд.

На протяжении целой недели я неизменно слышу это слово. Но мы оба понимаем, что это неправда. Алёне плохо, и меня беспокоит тот факт, что она держит эмоции внутри себя.

– Алён, я...

– Мне придётся уехать?

Мы произнесли фразы одновременно и тут же смолкли, давая возможность одному из нас продолжить. Алёна не заговорила вновь, и тогда заговорил я:

– Что ты имеешь в виду?

– Если мамы... – её голос дрогнул, – больше нет... Я снова вернусь в тот дом?

Я не сразу понял, про какой дом она спросила, но стоило лишь взглянуть в карие глаза, увидеть в них отчаяние и обреченность, до меня дошло... Алёна переживала, что после смерти Надежды, её заберут в детский дом.

– Нет, Алёна, ты туда не вернёшься. Ты будешь жить в моей семье. Ведь мама говорила тебе об этом?

– Да, но... – Её щёки покрыл румянец. – Разве тётя Жанна не против?

Я напрягся. Да, моя жена была не в восторге от этого обстоятельства, но всё же мы смогли прийти к обоюдному решению, взять племянницу под опеку. Дочь моей сестры не будет выброшена на улицу, тем более после того, через что ей пришлось пройти.

– Конечно не против, – заверил я её. – С чего такие мысли?

Алёна ещё больше смутилась.

– Я слышала, как мама разговаривала с тётей Жанной, – тихо поведала она. – Я не хотела подслушивать, но... когда вернулась из школы, они не сразу заметили меня и... В тот день я узнала, что мама серьёзно болеет. А тётя Жанна убеждала её обратиться в органы опеки и подыскать мне новую приёмную маму.

Чёрт. Даже представить боюсь, что в этот момент творилось в душе этой девочки. Натянул на лицо улыбку и объяснил:

– Тётя Жанна была не права. И она давно это поняла. Мне жаль, что тебе пришлось услышать подобное.

Алёна не ответила, опустив глаза, в которых я успел заметить смятение. Я вздохнул, потирая виски. И почему Надя ничего не сказала мне об этом разговоре? И главное когда он произошёл? Иногда Жанна перегибала, но чтобы настолько... Час от часу не легче.

– Не переживай, в моей семье тебе всегда будут рады, – ободряюще сказал я и поднялся с кресла. – Алён, там ужин стынет.

– Я не голодна.

– Тогда, может, составишь мне компанию? Я тебя таким чаем угощу, что ты ещё добавки попросишь!

На этот раз на бледном лице племянницы промелькнула слабая тень улыбки, и она встала из-за стола.

– Хорошо, – кивнула и робко посмотрела мне в глаза.

Именно в момент, когда наши взгляды встретились, я впервые заметил, насколько схожи черты лица этой девочки с ещё биологической матерью. Натальей Райнес.

Последующие два дня прошли в бешеном темпе. Нерешённых вопросов осталось ещё много, не считая самого главного – оформление опеки над племянницей. Вопрос обещали решить в кратчайшие сроки, но возникли некоторые сложности в связи с тем, что мы с Алёной проживали в разных городах. Проверка состояния жилищных условий в моём случае – формальность, но, тем не менее, все эти официальные запросы между органами исполнительной

власти разных городов сильно тормозили процесс. А без акта о назначении опекуна я не могу увести девочку в свой город.

Едва я успел войти в офис, как увидел её.

Наталья Райнес, спокойная и невозмутимая, общалась с одним из дизайнеров, что показывал ей эскизы, и давала советы. На ней был легкий костюм, цвета слоновой кости, и надо признать сидел отлично. Тёмно-каштановые волосы забраны на затылке, на лице неброский макияж. Женщина с глянцевой обложки, по-другому и не скажешь. Только вот червоточина, тщательно скрытая под маской идеальной леди, слишком прочно осела в моём сознании.

Со скромной улыбкой на губах, девушка кивнула своей старшей помощнице и отошла. Тогда же Наталья подняла взгляд тёмно-карих глаз на меня и замерла. Надо отдать должное, она быстро взяла себя в руки, крепко сжав кулаки, и ровной походкой направилась в мою сторону.

– Владислав Валерьевич, – кивнула в знак приветствия.

– Что вы здесь делаете? – как бы я не старался сдерживать эмоции, вопрос прозвучал достаточно грубо.

– Пока ещё работаю. – Ответ прозвучал не менее холодно. А этой дамочке палец в рот не клади. – Обязательства, что я брала на себя перед Надеждой, ещё не выполнены до конца.

– Показ на следующей неделе, – нехотя подтвердил я.

– Владислав, я бы хотела поговорить с вами...

– К сожалению, у меня много дел, – отрезал резко. – Прошу меня извинить.

Лишь на краткий миг в карих глазах сверкнул протест, едва уловимый словно видение.

Затем Наталья опустила взгляд в пол и тем же убийственно ровным голосом уточнила:

– Когда вы сможете уделить мне время?

Настырная. Только где было её упорство раньше?

Прищурился, склонив голову.

– Думаете, у вас получится удивить меня больше, чем было в прошлый раз?

Наталья поджала губы и побледнела.

– Я не займу у вас много времени, – тихо ответила она.

Если отпустить эмоции и подумать здраво, мне действительно нужно понять, какую цель преследует эта женщина. Ведь за прошедшие два дня, я не смог получить от своего помощника никакой важной информации о Райнес, кроме общедоступной. Скрытная попалась дамочка.

– Пройдёте в ваш кабинет, – сказал я, и, не дожидаясь каких-либо слов в ответ, прошёл к лестнице первым.

Лишь быстрый цокот женских каблучков по мраморной плитке подсказывал мне, что Наталья идёт рядом.

– У вас не больше десяти минут, – предупредил я, когда мы оказались наедине.

– Владислав... – выдохнув, заговорила Наталья. – Я понимаю, что вы сейчас думаете обо мне...

– Опустим это, – прервал я, чувствуя безмерное раздражение. – Ваши поступки в прошлом не нуждаются в моей оценке. Давайте лучше поговорим о действиях, что вы намерены предпринять в настоящем. Так что вы хотите от Алёны сейчас, Наталья?

– Я бы хотела общаться с ней, – помедлив, ответила Райнес, в её глазах загорелся проблеск надежды. – Хоть изредка.

– И на правах кого? – я прищурился.

– Не поняла.

– Полагаю, если Алёна сблизилась с вами в последние полгода, она вас не узнала.

Наталья побледнела ещё больше, а проблеск, мерцающий в тёмных глазах, потух.

– Да, это так.

– Тогда в качестве кого вы собираетесь продолжать общение с Алёной? Не думаю, что она будет в восторге, если узнает, или, не дай бог, вспомнит, кем вы ей приходитесь.

– Я это понимаю... – сухо отвечает Наталья. – Меньше всего мне бы хотелось причинить Алёне боль.

– Да неужели? – не сдержал иронии в голосе.

– Я прекрасно понимаю, что у меня нет никаких прав на дочь. Я... – она запнулась, прикрыв глаза, – даже не пытаюсь с этим спорить. Вам ведь прекрасно известно, что Алёна мечтает пойти по стопам Надежды. Я бы могла помогать ей с освоением искусства дизайнера, как наставник. Не больше.

Наставник? Серьёзно? На несколько долгих, практически бесконечных мгновений, между нами повисает гробовая тишина. Я впервые нахожусь в полном ступоре от подобной наглости. Это даже не наглость, а скорее эгоизм высшей степени.

– Вы просите слишком много, Наталья.

– Ваша сестра так не считала. Это было её предложение...

И снова моя сестра! Я начинал терять терпение.

– Я не стану играть чувствами осиротевшей девочки только потому, что в вас проснулась запоздалая совесть.

– Хорошо, – Наталья благоразумно перестала спорить. – Я могу рассчитывать хотя бы на какие-то весточки о ней?

– А вам они действительно нужны? – спросил я серьёзно.

– Вы даже не представляете насколько, – с дрожью в голосе проговорила она.

– С этим будет проще, – уступил я.

Лицо Натальи преобразилось в то же мгновение, буквально засияло радостью. И, чёрт возьми, если это какая-то игра на публику, то Райнес великая актриса.

– Спасибо, – прошептала она, поднимаясь с места.

Дверь за Натальей закрылась уже несколько минут, а я всё продолжал сидеть за столом абсолютно обездвиженный. И что это сейчас было?

Звонок телефона вывел меня из ступора. Звонил Николай – мой помощник. Надеюсь с новостями.

– Слушаю.

– Здравствуй, Влад. У меня есть кое-что на Наталью Райнес. Ты сейчас свободен?

Ни черта я не свободен. Но вместо этого ответил:

– Жду тебя.

Глава 3

– Здесь всё, что я смог выяснить о Наталье Райнес. – Николай сел за стол напротив меня. Передо мной письменный отчёт о проделанной работе. Наталья Райнес, двадцать девять лет, не замужем, детей нет, близкий родственников тоже. Востребованный и высокооплачиваемый дизайнер, год назад вернулась из Франции, где училась и работала с двадцати лет.

Эту информацию можно легко подцепить и на сайте. Поднимаю глаза на Николая и вопросительно выгибаю бровь.

– Это тебе для сравнения. Дальше будет интереснее, – пообещал он и сам же продолжил: – Вся биография Райнес – липа. Прежняя фамилия Натальи – Лазарева. По неизвестным причинам она переехала из родительского дома в девятнадцать лет. С родственниками связь не поддерживала. До тех пор, пока отец Натальи, Роман Лазарев, не скончался от сердечного приступа, оставив своей единственной дочери нехилое наследство. Тогда же Наталья вернулась домой и отказалась от дочери, вступила в наследство, а через год переписала всё завещанное имущество на родного дядюшку – Леонида Лазарева. Затем сменила фамилию и уехала за границу строить карьеру. Год назад вернулась совершенно другим человеком. Всё это время на родине Наталью продвигал её дядя, причём их родство никак не афишируется. Связь родственники тоже никак не поддерживают, словно совершенно чужие друг другу люди.

А вот это уже интереснее. Другое имя и другая жизнь. По каким-то причинам Наталья Райнес полностью перечеркнула своё прошлое, перешагнула через родную дочь и преспокойно строила карьеру.

– Полагаю, когда Наталья вернулась в Россию, она стала искать свою дочь, – продолжил Николай, прерывая мои размышления. – И нашла, судя по тому, что купила квартиру в том же районе, где проживала ваша сестра вместе с Алёной. Когда стало известно о болезни Надежды, Райнес вышла с ней на связь и предложила совместный проект.

Сжал челюсти, сдерживая крепкое словечко. Эта дамочка словно коршун, почуявший добычу. Сунулась как нельзя кстати. А до этого втихую наблюдала за тем, как моя сестра растила её дочь.

– Это всё?

– Пока да.

– Спасибо, – кивнул я, убирая папку в стол. Подробно ознакомлюсь с её содержанием уже вечером.

Подготовка к новому показу занимала очень много времени. Пришлось задержаться до восьми. Уходя из офиса, невольно посмотрел на кабинет, который занимала Наталья. Несмотря на позднее время, она всё ещё была на рабочем месте. Некоторые вопросы по организации нам приходилось решать вместе, но в целом, Наталья старалась не попадаться мне на глаза. По той же причине я тоже не стал навещать её в кабинет.

Стоило мне шагнуть на порог квартиры сестры, ко мне подошла Алёна. Выглядела племянница немного лучше, хоть взгляд и оставался неизменно потерянным и грустным.

– Добрый вечер, – взволновано поздоровалась она.

Тогда же я заметил, что она прячет за спиной какие-то листки.

– Здравствуй, Алёна, – тепло улыбнулся ей.

– Раиса Степановна ушла сегодня пораньше, у неё заболела внучка. Я подогрела вам... то есть тебе ужин, но не знала когда ты придёшь. Еда уже остыла, я сейчас ещё раз разогрею!

Она рванула на кухню, всё ещё пряча от меня бумаги. Я снял обувь и последовал за ней.

– Всё нормально, Алён. Что ты хотела мне показать?

Племянница проигнорировала вопрос, поставила тарелку с отбивными в микроволновку, и переставила овощной салат поближе ко мне.

– Я сама сделала, но не заправила. Не знаю, с чем... – опять запнулась на обращении, – ты любишь: оливковое масло, сметана или майонез?

Я вымыл руки и сел на угловой диван. Улыбнулся. Давненько обо мне так не беспокоились.

– Давай оливковое.

– Хорошо. – Алёна тут же заправила салат и присела рядом.

– Алёна, что у тебя там? – снова задал вопрос, кивая на перевёрнутые листки.

Племянница взволновано выдохнула и протянула их мне.

– Я сделала макет летнего платья. Старалась учитывать все замечания, что делала мне Наталья Романовна в прошлый раз. Могу ли я показать ей его завтра? Она обещала помочь доработать модель. Подобрать нужную ткань, указать швы. Я пока плохо разбираюсь в этом.

Я застыл с вилок в руках, глядя на старательный рисунок. У Алёны неплохо получилось. Платье с тонким ремешком на поясе имело юбку солнце, верх выполнен майкой с узким горлом.

– Алён, я не думаю, что ты продолжишь учиться у Натальи Райнес. Мы скоро уедем.

Блеск в карих глазах тут же потух.

– А она останется?

– Да, – коротко ответил я.

– Но как же... – племянница на мгновение стихла и вздохнула. – Я обещала маме, что доведу эту работу до конца.

– Ты можешь сделать это с одним из наших не менее опытных дизайнеров.

Повисла пауза. Алёна хотела что-то добавить, но не решалась.

– Хорошо, – сказала она, забирая листки. – Я заберу макет с собой.

– Договаривай, Алёна. Что случилось?

Племянница немного помедлила, но всё-таки сказала:

– Мама хотела, чтобы я работала именно с Натальей Романовной.

Так значит это правда. Надя действительно хотела чтобы они общались. Почему?

– А ты, Алёна? Ты хочешь работать с Натальей Романовной? – спросил я.

На что получил незамедлительный ответ:

– Хочу...

– Что значит, ты удержишься ещё на неделю? – из динамика телефона послышался возмущённый голос моей жены. – Влад, мы с Максимом тебя уже месяц не видели! Сколько ещё это будет продолжаться?!

Я жжал пальцами переносицу. Жанна права. Я уехал к сестре ещё месяц назад, хотел быть рядом. С женой и сыном виделся только на похоронах, потом они сразу же уехали. Максимум шестнадцать, уже не маленький, и это именно тот возраст, когда гормоны бьют через край. Жанне сложно справиться с сыном одной, да что и говорить – сам себя помню в этом возрасте.

– Разве документы на девочку ещё не оформлены? – продолжала негодовать она.

Я поморщился. По ушам резануло слово *девочка*.

– Нашу племянницу зовут Алёна, – терпеливо поправил я. – На днях получу опеку.

– Вот и возвращайтесь сразу же!

– Обещаю, милая, как только мы проведём показ, сразу же...

– Да какой показ, Влад?! – перебивает она. – Этим что, больше некому заняться?

– Некому, – вздохнул. Я так и не нашёл человека на место главного дизайнера.

– А Наталья Райнес? Они с Надей хорошо сработались. Она отказалась?

– Я не предлагал...

– Почему?

– Я собираюсь предложить Наталья Райнес место в главном филиале.

– Не поняла...

– Она будет заниматься новой коллекцией, где должна была принимать участие Алёна.

– А эта дев... Алёна будет принимать участие?

– Будет. Она хочет довести задумку Нади до конца. И представит на показе свою же разработку.

– Влад, ты в своём уме? Ей десять! Она ничего в этом не смыслит.

– Не переживай, Наталья ей поможет.

– Нельзя так потакать ребёнку. Надежда её избаловала, теперь ты туда же!

Что бы Жана сейчас не говорила, но на избалованного ребёнка моя племянница не похожа. Наоборот, она старается принимать все правила, которые ей диктует судьба и ни на что никогда не жалуется.

В этот момент в дверь кабинета постучали. Повернулся и встретился взглядом с тёмными глазами Натальи. Кивком пригласил войти.

– Мне нужно работать, – сухо объяснил жене. – Я позвоню тебе вечером.

Отключил связь и в кабинете сразу же воцарилась настороженная тишина. Наталья стояла у двери, сложив руки перед собой, и ждала моих слов. Ведь это я пригласил её. Вчера вечером, после разговора с Алёной, я долго не мог уснуть и думал, как поступить правильно. Если Надя смогла подпустить эту женщину к Алёне, на это должны были быть причины. Причём обоснованные.

– Присаживайтесь, – попросил я, показывая на кресло напротив.

Наталья не заставила себя ждать. Молча опустилась на указанное место, положив руки на стол. И я только сейчас заметил её волнение. Тонкие изящные пальцы были сжаты до белёсых вмятин на коже, дыхание казалось слишком глубоким, хоть и ровным, а глаза смотрели куда угодно, только не на меня.

– К показу практически всё готово, – проговорила она, неверно истолковав своё присутствие в моём кабинете. – Я лично присутствовала на последней примерке и...

– Вечером я разговаривал с Алёной, – перебил я, и Наталья задержала дыхание. – Племянница подтвердила мне ваши слова. И сказала, что хочет продолжить учиться у вас.

Ответом служила тишина. Я буквально слышал, как меня ломало от решения, которое я собирался озвучить. Всё внутри протестовало, бушуя необузданным штормом. Эта женщина не заслуживает даже стоять рядом с девочкой, которую уже предала однажды. Так почему же сестра считала иначе?

– Прежде чем предложить вам место в нашем главном филиале, я хочу озвучить несколько условий. Во-первых, с моей племянницей вы будете видеться только в моём присутствии. Во-вторых, не станете даже пытаться вмешиваться или как-то влиять на её жизнь. И в-третьих, ни при каких обстоятельствах не скажете правду о себе.

– Я согласна, – без раздумий ответила Наталья, посмотрев мне в глаза.

Её лицо казалось непроницаемой маской, лишь взгляд мерцал искренней благодарностью.

Я вытащил из-за стола неподписанный контракт и положил перед ней на стол.

– Тогда разработка весенней коллекции на вас.

Наталья кивнула, на её лице мелькнула тень улыбки.

– Спасибо, – ответила она.

– Благодарите Алёну, – несмотря на сдержанность, мой голос звучал прохладно. – Это в первую очередь её желание.

– Тем не менее, решение было принято вами, – прозвучало в ответ.

– Я надеюсь, что не пожалею об этом.

Под моим пристальным взглядом, Наталья забрала со стола контракт и посмотрела на время.

– Мне можно идти? Через пятнадцать минут кастинг моделей.

Я лишь кивнул, молча наблюдая, как Наталья движется к двери. Плавно, легко и грациозно. Казалось бы, наш разговор снял с неё всё напряжение. Только я отчего-то готов взорваться от злости на самого себя.

Наталья дернула ручку двери и замерла на мгновение. Обернулась и, не глядя на меня, проговорила:

– Меньше всего я хочу навредить Алёне, поверьте.

– Странно слышать подобные слова от женщины, которая бросила собственного ребёнка, – возразил я.

Её пальцы плотнее сжали металлическую рукоять. На губах зародилась грустная улыбка.

– У меня не было выбора, – тихо сказала она. – Я в любом случае потеряла бы свою дочь. Но со своей стороны я сделала всё возможное, чтобы она обрела достойную мать.

Наталья отворила дверь и вышла, поселив в моей голове ещё больше вопросов.

Глава 4

Григорий плавно свернул с проезжей части к шлагбауму нашего тихого квартала. Наконец-то мы дома. Алёна сидела рядом, спрятав руки в карманах плаща, и любопытно оглядывалась. Здесь не было ни шумного двора с кучей детворы, ни прежних друзей и одноклассников. Ей придётся начинать жизнь с чистого листа.

– Пойдём? – позвал я племянницу, как только автомобиль въехал за ворота и остановился.

Мы вышли во двор. Алёна волновалась, хоть и старалась этого не показывать. Она несколько раз поблагодарила Григория, пока он выгружал наш багаж, лишь бы оттянуть момент, когда мы войдём в дом.

Удивительно, моя жена исправно интересовалась нашим приездом, но дома её не оказалось. Я сам проводил Алёну в отведённую ей комнату и предложил осмотреться. А чуть позже, когда племянница разобрала свои вещи, позвал на обед.

В очередной раз набрал номер жены, но ответа не получил. Подавил раздражение и оставил свои попытки связаться с Жанной. Я планировал съездить на работу и принять дела от замов, но одну оставлять Алёну не хотел. Только не в первый день её приезда.

Ближе к трём вернулся Максим. Я как раз показывал племяннице территорию дома, когда сын шагнул за ворота. Он сразу не заметил нас, разговаривал по телефону, громко смеясь при этом.

– Максим! – окликнул я, махнув ему рукой.

Тот рассеянно оглянулся, вытянул над головой ладонь в знак приветствия и прервал разговор по телефону.

– Здорово, па! – пробасил сын, который и по росту и телосложению норовил со мной сравняться. А ведь только недавно под стол пешком ходил. – Я на пять минут, вещи сбросить. Ты давно приехал?

– Ещё утром. А мать где?

– Да вроде дома была, – протянул он и перевёл скучающий взгляд на стоящую в стороне Алёну. – Привет, Алён!

– Привет, – пролепетала она в ответ.

– Как тебе у нас, обживаешься?

– У вас здорово...

– Ну, лады. – Сыну не терпелось сбежать от нас. – Я побежал, у нас игра с парнями.

– Макс, подожди. – Я отвёл его в сторону. – Во сколько вернёшься?

– Вечером планировал. – Он тут же напрягся.

– Жду к ужину.

– Па...

– Не па! К нам приехала двоюродная сестра, и я бы очень хотел, чтобы ей было тут уютно.

– Да какая она мне сестра?

– Макс! – строго оборвал я.

– Окей, я понял, – кивнул сын, скривив губы. – К ужину буду дома. Может быть, появление в нашем доме этой мелкой и к лучшему, сам теперь появляться за ужином будешь!

Максим круто развернулся и резво взобрался по крыльцу, а через двадцать минут его и след простыл. Наверное, в чём-то он прав. Я действительно слишком много работал и далеко не всегда был рядом с семьёй. Но если Жанну вполне устраивали такие условия из-за кругленькой суммы на карте, то сыну по большому счёту было плевать на то, сколько денег зарабатывает его отец.

Жена объявилась дома в шесть часам. Я был в кабинете, когда она залетела ко мне, сверкая от радости. Белокурые волосы уложены волосок к волоску, на плечах красовался новенький белоснежный кардиган и бежевые строгие брюки. Видимо за время моего отсутствия, Жанна не теряла даром времени.

– Наконец-то ты дома, дорогой! – заворковала она с лучезарной улыбкой.

– Ты так соскучилась, что даже ни разу не взяла трубку, – не сдержал сарказма.

– Я была занята. Занималась оформлением Алёны в школу. А где кстати она?

– В своей комнате. И я рассчитывал, что ты встретишь племянницу в день приезда.

– Я не могла откладывать! Девочке же нужно учиться. Я подобрала ей лучшую школу! – гордо заявила Жанна, вытаскивая из сумки бумаги. – Вот посмотри! Это просто идеальный вариант, дорогой!

– Что значит, подобрала? – не понял я, забирая листки. – Мы ведь договаривались, что Алёна пойдёт в гимназию, где учится Макс.

– Да, но я долго думала над этим...

Жанна подошла ко мне со спины и заиграла пальчиками на моих плечах, разминая мышцы. За семнадцать лет брака я хорошо выучил поведение своей жены, и уже знал, что за подобными нежностями последуют уговоры. Но в данный момент кроме раздражения я больше ничего не испытывал.

– Алёна девочка способная и должна получить лучшее образование.

Стоило взглянуть на преамбулу договора, где выделялась жирная строка с названием школы, я замер.

Школа-пансион.

Час от часу не легче.

Отбросил договор на стол и поднялся.

– Я не стану это подписывать, – чётко проговаривая каждое слово, сказал я и повернулся к жене.

Наигранная улыбка медленно сползла с её губ. Тонкие дуги бровей взметнулись вверх и так и застыли, оставляя на лице жены выражение глубокого изумления.

– Но дорогой... я уже обо всём договорилась, – залепетала Жанна, нервно поправляя волосы.

– А меня ты, конечно, спросить не подумала, – заключил холодно.

– Да что тут плохого? – вскинулась она, будто я действительно не понимал истинную причину её мотивов. – Ты хоть знаешь, как сложно там выбить место? Да множество детей мечтают учиться в подобном месте!

– Я всё сказал. Алёна не будет учиться в пансионе. Даже думать об этом забудь.

– Но, дорогой...

– Я всего лишь попросил тебя оформить документы на Алёну для поступления в гимназию. А ты что сделала? Решила отправить её к чёрту на куличики, лишь бы с глаз долой?! Спасибо, что помогла. Дальше я сам.

Жанна вздохнула и, наконец, перестала изображать из себя святую невинность.

– Я решила, что так будет лучше, – устало сказала она. – Для всех нас. До сих пор не понимаю, почему ты вообще в это ввязался.

– Потому что у Нади кроме меня больше никого не было. И у Алёны между прочим тоже...

– Но разве я в этом виновата?

– А десятилетняя девочка, значит, виновата?

– Ты изначально знал моё мнение по поводу её опекуна! Кто знает, какую генетическую наследственность она имеет. Кто её родители? Только беспробудные пьяницы и наркоманы бросают своих детей...

– Дети не выбирают себе родителей, тебе прекрасно это известно, – жёстко отвечаю я. – И Надя была для Алёны прекрасной матерью.

Некоторое время мы холодно смотрели друг на друга. Даже не верилось, что когда-то наступит такой момент, что мы так сильно не сойдёмся во мнении. Мы словно забрели в непроглядный тупик и перестали слышать друг друга.

– Ладно, – наконец произносит Жанна. – Поступай как хочешь, но если ты думаешь, что я на радостях заменю Алёне Надю, ты глубоко заблуждаешься.

– Нет, Жанна. У меня даже в мыслях этого не было. Но тем не менее, на твою поддержку я рассчитывал, – ответил искренне.

Продолжать этот разговор было бессмысленно. Я вышел за дверь, не желая ссориться с женой. В гимназию мне придётся поехать самому, на том и остановимся.

Макс сдержал обещание и вернулся к ужину. Как он справедливо заметил мы собрались все вместе всё реже и реже. Только проходил наш семейный вечер в полной тишине. Так было не всегда. Чем больше разрастался наш бизнес с сестрой, тем больше времени он занимал. Не зря говорят, что аппетит приходит во время еды. Когда видишь успех собственной компании, всегда стремишься сделать её ещё лучше, ещё прибыльней. И в итоге стал уделять внимание работе гораздо больше чем семье.

– Ты удобно расположилась, Алёна? – внезапно спросила Жанна, старательно изображая доброжелательную улыбку. – Может быть, тебе что-то необходимо купить?

– Нет-нет, – щёчки племянницы покрыл яркий румянец. – У меня всё есть. Спасибо, комната очень мне понравилась.

– А новый мольберт видела? – снова спрашивает Жанна. – Надя говорила, ты очень любишь рисовать. Вот я и решила сделать тебе сюрприз.

– Да, – Алёна смутилась и отвела взгляд. – Очень красивый.

Максим покачал головой и усмехнулся. Поднял взгляд на мать, но обратился при этом к Алёне:

– Не нужно так льстить моей маме, сестрёнка. Говори, как есть. Иначе в следующий раз, когда попросишь обычный ночник над кроватью, придётся благодарить за светящийся мобиль со зверушками.

– Максим! – возмутилась Жанна.

– Что? – спросил он таким же тоном. – То, что ты попросила купить Григория – развивающий мольберт для детей трёх-пяти лет, и не имеет ничего общего с художественным, что был у Алёны раньше.

Жанна широко округлила глаза и повернулась ко мне, в поисках поддержки.

– Я ведь не знала, что они бывают разные! – высказалась она с обидой в голосе.

– И буквы алфавита на магнетиках тебя не смутили, – продолжал лыбиться Макс. Вот ведь засранец.

– Всё нормально, тётя Жанна, – Алёна пыталась сгладить неловкую ситуацию. – На доске можно рисовать мелом, а к металлической части можно примагничивать листки и рисовать.

– Вот и славно! – улыбнулась Жанна, явно довольная, что её подарок оценили. – Пользуйся в удовольствие.

Ничего славного в этом, конечно, не было, но сын переходит все границы дозволенного. Я повернулся к нему и проговорил:

– Макс, нам нужно поговорить.

Мы с сыном устроились в плетёной беседке во дворе дома. Он сел напротив, скрестив руки на груди, и хмуро смотрел в мои глаза, ожидая начала разговора.

– Макс, так нельзя.

– А дарить детский мольберт десятилетней девочке, можно? – Сын покачал головой и отвёл взгляд.

– Тут я с тобой согласен, исправим. Но ты ведь мог указать на это матери более деликатно? По крайней мере не в присутствии Алёны.

– Был бы толк. Как видишь, мама всё равно собой довольна. Она же сделала это для галочки. Поверхностно, через третье лицо, не вникая даже, как это используется.

– Тебя это задело, – заключил я.

– Уверен, мелкую это задело больше. Но разве она скажет! Вот и пришлось говорить мне.

– Макс, иногда нужно выбирать время и место для подобных замечаний. Тебе ведь ничего не мешало сказать это раньше.

– Так же как и маме уделить чуточку больше внимания к подарку, – тут же возразил сын. – Разве это сложно? Почему вы всегда делаете всё так, словно пытаетесь поставить себе мысленный плюстик? Уж лучше не делать никак, чем так. Но виноватым вышел я!

– Я не говорю, что мама права и поговорю с ней. Но и ты, Макс, не перегибай. Не нужно подавать Алёне пример подобного общения. Договорились?

Максим промолчал в ответ, вздохнул и нахмурился. Я понимал, что к моим словам он прислушался, пусть и строил из себя крутого парня. И всё же меня тревожила мысль, что я упускаю что-то важное.

– У тебя что-то случилось? – спросил я, после минутной паузы.

– У меня всё нормально, – отчеканил сын, не глядя на меня.

– Как прошла игра?

– Продули, – он безразлично пожал плечами.

– Надеюсь, не десять ноль?

Макс хохотнул, взглянув на меня с нотками возмущения и веселья одновременно.

– Скажешь тоже! Четыре – три. Причём четвёртый с пенальти.

– Тогда другое дело! А соревнования по тхэквондо когда?

Задорный блеск в зелёных глазах сына исчез вслед за улыбкой.

– Они уже начались, пап. Ещё неделю назад.

Я застыл. Макс говорил ещё пару месяцев назад о соревнованиях, но потом состояние сестры ухудшилось и я уехал. После похорон мне хватало забот, чтобы позабыть обо всём. Странно, что Жанна об этом и словом не обмолвилась.

– И когда у тебя следующий бой?

– В понедельник. Я прошёл в полуфинал.

– Даже не сомневался, – улыбнулся сыну, похлопав его по плечу. – Я приду.

Спрашивать, ходила ли Жанна на соревнования, не стал.

– Придёшь? – недоверчиво переспросил Макс. – А работа?

– За день не встанет, – ухмыльнулся я.

– Ну... хорошо. – Оживился он, поднимаясь с места. – Я пойду в дом, окей? Уже прохладно.

– Макс! – обратился к сыну, когда он вынырнул из беседки. – Вы с Алёной будете ходить в одну школу. Приглядывай по возможности за ней.

– По возможности, буду, – Максим криво улыбнулся и пошёл в сторону дома.

Прошло несколько дней с тех пор, как я вернулся на работу. За время моего отсутствия никаких глобальных проблем не возникло. Не считая ежедневного появления в компании Натальи Райнес. Некоторым это не очень понравилось. Особенно Дарье Ромадановой, которая давно просилась вести бренд «Фокс» под своим руководством. Но если отбросить негативные эмоции и мыслить здраво, модели Райнес всегда более продуманные. Поэтому в правильности своего решения я не сомневался.

На утреннем собрании, когда Наталья согласовывала со мной отличительный знак весенней коллекции, я поймал себя на мысли, что она выглядит несколько моложе своего реального возраста. Возможно всё дело в миниатюрной фигуре, или же больших открытых глазах и гладкой светлой коже, но перед собой я видел девушку, которой сложно дать больше двадцати пяти лет. Глядя на неё, невозможно допустить хотя бы мысль, что она может быть матерью десятилетней девочки.

– Если делать тёмную окантовку в качестве отличительного знака, мы не можем использовать светлые тона, – довольно резко возразила Дарья. – Это дети, Наталья Романовна, а не восковые куклы. Они имеют такое свойство, как двигаться. Многие родители думают о практичности, и попусту не будут покупать светлые вещи.

– Вы видимо меня не поняли, – спокойно возразила Райнес. – Контраст может быть не только тёмное к светлому, но и наоборот. У тёмных тканей может быть светлая окантовка.

Дарья сдаваться не спешила. Упрямо поджав губы, она поинтересовалась:

– Есть ещё варианты?

– Есть, – Наталья протягивает мне эскиз продолговатого ромба. – Но всё же окантовка мне кажется менее навязчивым и простым вариантом...

– А что у вас, по «деткам» Дарья? – спросил я, внимательно всматриваясь в варианты, предложенные Райнес.

И всё же, я не могу не согласиться, окантовка действительно выглядит менее навязчивой, и в то же время выделяет коллекцию. Просто, не ново, но мы ещё подобного не использовали.

– Я... – Дарья немного растерялась. – Я конечно подготовила некоторые варианты, но думала сегодня мы обсуждаем коллекцию подростков.

– Верно, – согласился я. – Завтра буду ждать ваши варианты по «деткам». Все свободны, спасибо.

Присутствующие засуетились. Наталья одна из первых подхватила папку, когда я остановил её:

– Наталья, задержитесь, пожалуйста.

Глава 5

Наталья.

Замерла с папкой в руках и снова села на место. По лицу полосонул острый, наполненный неприязнью взгляд Дарьи, который я благоразумно проигнорировала. Я вполне осознавала, что в основном филиале компании Ярчинских мне многие будут не рады. Тут и без меня хватало известных и более опытных дизайнеров, способных вести новую линейку одежды. Но я обязана удержаться за это место во что бы то ни стало. Чтобы не потерять ту единственную ниточку, связывающую меня с Алёной.

Когда Полина, моя коллега по бренду «Фокс», покинула кабинет последней, мы остались с Владом одни. Я глубоко вдохнула и, отбросив эмоции, посмотрела на него. И снова этот взгляд... Внимательный, острый и... завораживающий. Тёмно-зелёные глаза буквально прожигали насквозь, заставляя напрягаться струной.

Давно я не чувствовала себя такой уязвимой в присутствии мужчины. Влад Ярчинский имел надо мной неоспоримую, почти осязаемую власть. И это пугало.

– Алёна хотела показать вам свою работу сегодня вечером, – объявил он низким голосом и отвёл взгляд. – У вас будет минутка?

Я бы с радостью провела со своей дочерью каждое мгновение своей жизни. Если бы только могла.

– Обязательно, – говорю вместо этого. – В любое время.

Губы Влада чуть дернулись в ироничной улыбке, но с них не слетело ни единой колкости. И на том спасибо.

– Она приедет после школы, и мы навестим вас.

– Как... – я запнулась, неуверенная в том, что на мой вопрос ответят, но всё же продолжила: – Как ей новая школа?

– Сегодня первый день, – помедлив, произнёс Влад. – Пока рано что-то говорить.

– Понятно...

Перевела взгляд на глобус, что стоял на дальнем углу стола. Стильный, чёрный, блестящий, с золотистыми материками. Названия континентов выделялись на золотом цвете тёмным курсивом. Зачем-то посмотрела на основание с гравировкой. Разглядеть надпись было невозможно, но именно по гравировке я поняла, что это подарок.

Влад подался вперёд, протянул мне папку с эскизами и произнес прохладно и негромко:

– Я не могу понять одного. Почему вы решили найти Алёну спустя столько времени? Почему интересуетесь ей?

Снова столкнулась с пронзительным взглядом его глаз. Спину обдало холодом, словно кто-то сверху окатил меня ледяной водой. Хотя почему кто-то. Всему виной льдинки, звенящие в мужском низком голосе, которые градом били по мне.

– Сначала вы нашли мою сестру, наблюдали за ней и дочерью со стороны. А позже вышли на связь. Ведь так?

Ярчинский навёл на меня справки? От одной только мысли об этом, у меня перехватило дыхание. Меньше всего мне нужно, чтобы кто-то рылся в моём прошлом.

– Так, – кивнула, взяв себя в руки. – Сначала, я просто хотела знать, что у Алёны всё хорошо. А потом... я не могла остановиться. И сейчас не могу. Ведь Алёна потеряла самого близкого человека, которому смогла довериться после... – я не договорила. Язык не повернулся произнести это вслух. – Мне важно знать, что с ней всё в порядке. И помогать ей, чем могу.

– А чем вы можете помогать Алёне? – спросил Влад задумчиво, откинувшись на спинку стула.

Его непринуждённая поза казалась расслабленной только на первый взгляд. На самом деле Ярчинский был напряжён. Его пальцы крепко сжимали подлокотник кресла, чётко очерченные губы были слегка поджаты, а взгляд продолжал внимательно впитывать каждое моё движение.

– Скажите, чем нужно помочь.

– Через две недели у Алёны должна состояться выставка в художественной школе, где она училась последние годы. Её работы были номинированы как одни из лучших ещё два месяца назад. Детям будут вручены награды. Мне позвонили вчера вечером, спросили, может ли Алёна присутствовать. В случае отрицательного ответа приз вышлют почтой, но я считаю, что Алёне будет приятно побывать на выставке, где представлены её рисунки. К тому же она будет рада находиться на награждении лично.

– Вы абсолютно правы, – согласилась я, не понимая, к чему он клонит.

Неужели предлагает поехать с ними?

– На поездку уйдёт два дня, – продолжил Ярчинский. – Моя жена по некоторым причинам не сможет сопровождать Алёну. А я... – небольшая заминка. – В общем, племяннице десять, ситуации могут возникнуть разные, ей может что-то понадобится, а я для неё пока ещё чужой дядя, к которому она не сможет обратиться с любой просьбой. И Раиса больше у нас не работает.

Слушала, не перебивая, боясь и слово вставить, и всё ещё сомневалась, что мне предложат сопровождать Алёну.

– Если у вас получится поехать с нами...

– Я поеду, – выпалила поспешно, пока Ярчинский не передумал.

Он смолк на мгновение, словно не ожидал от меня такого рвения, затем согласно кивнул.

– Внимание привлекать не будем. Для всех вы поедете на прежнее место работы решить вопросы, требующие вашего присутствия.

– Хорошо.

– Тогда буду на вас рассчитывать, Наталья. Спасибо.

Казалось, что Влад поблагодарил искренне. Вот только благодарить, в первую очередь, мне нужно его.

Собрала эскизы в папку, ругая себя за задержку. Ярчинский наверняка уже ушёл на обед. Он ждал от меня набросков ещё к одиннадцати, но я смогла выдать что-то годное только к пяти минутам первого. Плохо. И зачем я только взялась спорить с Дарьей, что её вариант комбинезона для малышей, имеющий слишком много кнопок-застежек, неудобен в эксплуатации?

В итоге нарвалась на проработку собственного видения модели комбинезона, которую, ввиду «особой» любви к моей персоне, будут подвергать гораздо более жёсткой и детальной критике.

А ведь я всего лишь предложила заменить клёпки застежкой-молнией! Но началось такое!

Ни для кого не секрет, что подобного рода замки на одежде хуже всего защищают место соединения от порывов ветра и холода. Именно поэтому большинство моделей с молнией закрывают ветрозащитным двойным клапаном, который опять же закрепляется кнопками. Которые я, согласно собственной критике, должна была избежать.

В итоге я продумала вариант комбинезона с двумя молниями, которые закрывают друг друга. Первая застежка идёт наискось к правому плечу, и защищается скошенным к другому плечу клапаном, который закрывается второй молнией. Кнопка только одна – у горловины с капюшоном. Быстрый и удобный вариант для любой мамы, которая не хочет запарить ребёнка

до начала прогулки. Можно конечно упростить вторую молнию дополнительной заклёпкой снизу, но посмею предложить Владу выдвинуть на рынок оба варианта – на выбор покупателей.

Впорхнула в кабинет Ярчинского и тут же наткнулась Валентину – его секретаршу.

– Он уже уехал, – протянула она, окидывая меня снисходительным взглядом.

Судя по тому, что на ней верхняя одежда, Валя тоже торопилась на выход.

– А во сколько вернётся? – спросила я, нервно постукивая пальцами по папке.

– Сегодня его точно не будет. Завтра...

– Вот как? – Не смогла скрыть досады в голосе.

– Можешь оставить папку, я передам перед пятиминуткой. Влад ознакомится.

– Спасибо, – поблагодарила я, положив папку на край стола.

Мы вместе вышли в коридор, и я безучастно наблюдала, как Валя закрывает дверь на ключ.

– Влад говорил, куда поехал?

Вдруг что-то случилось с Алёной?

– На соревнования. К сыну, – последовал безразличный ответ.

Этот ответ несколько обескуражил. Я никогда не думала о Ярчинском, как об отце. А ведь у него есть семья. Жена и ребёнок. Надя несколько раз упоминала о них в разговорах, но у меня создалось твёрдое убеждение, что между сестрой Влада и его женой нет особо тёплых отношений.

Едва я успела вернуться на своё рабочее место, как в кабинет влетела Полина, разметая повсюду волны лихорадочной паники.

– Наталья... – выдохнула она. – Вы Ярчинского не видели?

– Он уехал.

– Надолго?

– Сегодня его не будет.

– Вот ведь! – Полина нервно взмахнула руками. – А трещотка его где?

– Не поняла...

– Валька! Секретарша его!

– Полагаю, на обеде.

– И трубку не берёт, коза такая! Сама ведь ушами прохлопала, и пригласила представителей рекламной компании на день раньше. Влад их завтра ждал!

– Так может, угостим их чаем и пригласим прийти завтра?

– Не-е-е-т, – протянула Полина. – Это же «Арт Эль», они лучшие в своём деле! Если упустим, нас Влад на кусочки разделает.

– И как быть?

– Я не знаю! Вальку подставлять тоже не хочется! Она может и первая сплетница офиса, но...

– Так, ладно, – перебила я. – Где эти рекламщики?

– В переговорной!

Набрала номер телефона Ярчинского и отошла к окну. Волнение незримой паутиной опутало меня. Так происходило каждый раз в моменты нашего общения.

– Слушаю, Наталья. – В голосе Влада звенели нотки недовольства.

– Владислав Валерьевич, я не хотела вас отвлекать, но у меня важный вопрос, – объяснила поспешно. – В переговорной сейчас находятся представители рекламной кампании «Арт Эль»...

– Почему сегодня? – вопросом прервал Ярчинский.

– Вероятно, произошла какая-то путаница с их стороны.

– А Валентина где?

– Валентина обедает. Я могла бы предложить им перенести встречу на следующий день.

– Нет. Проведёте встречу сами.

– Я? – уточнила удивлённо.

Нет, решение подобных дел мне не в новинку, но я работала в филиале без году неделю и понятия не имела, для чего эта встреча была назначена.

– Вы, Наталья. «Арт Эль» будет продвигать вашу линейку моделей, поэтому ваше присутствие в любом случае было бы обязательным. Только пригласите с собой Алексея, моего заместителя.

– Хорошо.

– И ещё одна просьба. Пусть Валентина привезёт мне вечером все документы от них, я хочу подробно ознакомиться.

– Я всё передам, – заверила я и, отключив связь, попросила Полину найти Алексея.

С заместителем Влада проблем не возникло – он был на рабочем месте, и уже через пять минут сидел рядом со мной за столом переговоров. Надо отдать должное, все важные вопросы Алексей обсуждал сам. Я в основном только согласовывала.

– Неплохая из нас вышла команда! – Мужчина придержал для меня дверь, когда мы выходили из переговорной. – Вы просто умница, Наталья.

Встреча действительно прошла успешно, но в этом не было моей заслуги.

– Не знаю, как бы я без вас справилась, – призналась честно.

– А я – без вас! – Светло-серые глаза Алексея сверкнули интересом, когда он в очередной раз задержал на мне взгляд. – Как на счёт чашечки кофе? Раз уж обед мы всё равно пропустили.

Мы шли к моему кабинету вместе, попутно собирая любопытные взгляды сотрудников. Не удивительно, Алексей Николаевич Пронин мужчина видный: высокий стройный брюнет с обворожительной улыбкой. На вид ему не больше тридцати пяти лет, к тому же он был не женат. Все эти качества делали этого мужчину очень популярным среди коллег женского пола.

– Спасибо за предложение, но у меня ещё много работы, – я отказалась не раздумывая.

В отличие от большинства незамужних женщин филиала, я не горела желанием заводить интрижку на работе.

– Тогда может быть завтра? В обед, – не уступает Алексей.

– Не уверена, что получится.

– Только не говорите, что не обедаете! – выдал он строго. – У нас на первом этаже отличная кофейня, а я просто обязан отблагодарить вас за неоценимую помощь.

Его настойчивость заставила меня задуматься. Мне действительно не помешает наладить хорошие отношения с кем-то из коллег. Тем более с заместителем руководителя.

– Хорошо, – согласилась я.

– Тогда я найду за вами завтра, Наталья. Работайте, – Алексей кивнул мне с улыбкой и направился к лифту.

Обед уже закончился, а Валентина так и не вернулась – кабинет Ярчинского был закрыт. Чуть позже выяснилось, что по дороге в офис она столкнулась с автомобилем, водитель которого оказался нетрезв. Поэтому её возвращение было под большим вопросом. Иногда оформление дорожно-транспортного происшествия занимало очень много времени.

До конца рабочего дня оставалось меньше часа, а документы, которые мне нужно было передать секретарю Ярчинского так и лежали на моём столе. Видимо отвезти их придется мне самой. В голове тут же мелькнула мысль, что у меня появился шанс увидеть Алёну. Именно она придала мне уверенности.

Я подошла к Наталье, что сосредоточенно работала над своим макетом и просила:

– Где я могу узнать адрес Влада?

Она удивлённо вскинула брови и взглянула на меня исподлобья.

– А вам он зачем?

– Мне нужно передать ему документы на «Арт Эль». Он просил.

- Попросил привезти документы и не сказал куда? – ещё больше удивилась Наталья.
- Он просил передать Валентине, но её до сих пор нет.

По-хорошему, я могла уточнить адрес у самого Ярчинского, но я слишком опасалась, что он решит оставить их в офисе до завтра.

- Вот как. Сейчас найдём, раз такое дело.

Вскоре я вбивала в навигаторе нужную улицу и номер дома. И примерно через полчаса оказалась в элитном районе города, неспешно проезжая среди ряда высоких огороженных заборами коттеджей. Припарковав автомобиль на ближайшем свободном месте, я направилась к воротам. Калитку открыл высокий строгий мужчина и вежливо поприветствовал меня.

- Я с документами для Владислава Валерьевича.
- Да, проходите. – Персонал видимо был предупреждён.

Едва я ступила на вымощенную плиткой дорожку, ведущей к крыльцу, я увидела свою девочку. Замерла, забыв обо всём на свете, и просто наблюдала, как Алёна, склонившись над клумбой с цветами, что-то сосредоточено считала. На ней был светло-бирюзовый плащ и белая тоненькая шапочка – всё это модели Надежды.

- Проходите, – поторопил меня мужчина. – Владислав Валерьевич ждёт вас.

Алёна подняла голову и с любопытством посмотрела в нашу сторону. Увидев меня, улыбнулась и подскочила на месте, отряхивая руки.

- Здравствуйте, Наталья Романовна! – бодро заговорила она.

От звуков её тоненького нежного голоса внутри всколыхнулась буря эмоций. Не важно, что из уст дочери звучит не драгоценное слово «мама», а строгое официальное имя «Наталья Романовна». Когда-то я потеряла право называться матерью, и всё, что я могла сейчас, это видеть приветливую улыбку своего ребёнка. Окинула Алёну тёплым взглядом, стараясь не выдавать своих настоящих чувств. Какая же она уже взрослая и красивая. Настоящий земной ангел.

- Здравствуй, Алёна, – ответила я, шагнув к ней. – Как у тебя дела?

– Хорошо! Я ещё не переделала макет, по математике задали презентацию. Вот готовлюсь.

- На какую тему?

– «Математика в природе».

- Уверена, у тебя всё получится, – сказала искренне.

– Дядя тоже так говорит. Я хочу закончить до поездки на выставку. Вы ведь тоже поедите?

– Да, у меня есть кое-какие дела на прежнем месте работы, – мне пришлось солгать, хотя больше всего на свете я хотела, чтобы Алёна знала правду. Знала, что я еду на выставку только ради того, чтобы быть с ней рядом и любоваться её работами.

- Это здорово...

– Наталья? – послышался удивлённый голос Ярчинского.

Я обернулась. Влад вышел на крыльцо, на ходу надевая пиджак.

- Здравствуйте ещё раз, – кивнула ему.

– Что вы здесь делаете? – Его зелёные глаза внимательно изучали моё лицо.

– Приехала передать вам документы, что вы просили. Валентина была занята. – Я протянула в его руки папку и решила больше не стеснять Ярчинских своим присутствием. – Что ж, мне пора. Удачи тебе с презентацией, Алёна, – тепло улыбнулась дочери и кивнула на прощание её дяде. – Увидимся на работе, Владислав Валерьевич.

Глава 6

Владислав.

Между Натальей и Алёной невооружённым глазом проглядывалась некая связь. Едва уловимая, но всё-таки ощутимая. Или же мне всё это причудилось из-за того, что я знал об их кровном родстве?

Нет.

Наталья смотрела на мою племянницу словно на самое драгоценное, самое желанное и в то же время недосыгаемое для неё сокровище. В первую нашу встречу втроём, подобных взглядов с её стороны не было. Но в этот раз Наталья не знала, что за ней наблюдают. И в момент, когда я вышел на крыльцо, лицо Райнес моментально превратилось в холодную сдержанную маску.

Её поведение сбивало с толку и раздражало. Оно не поддавалось логике и шло в разрез с моим представлением о тех людях, которые по тем или иным причинам бросали своих детей. Ситуации бывают разные, я понимаю это. Но в одном я уверен на сто процентов – если мать, отказавшаяся своего ребёнка, раскаивалась и пыталась заслужить прощение, она выставляла бы свои эмоции напоказ, пыталась бы давить на жалость и оправдываться со слезами на глазах. Но не Наталья Райнес. Все её действия – были абсолютно противоположны. Она прятала свои эмоции за холодной маской безразличия, принимала все условия, что я перед ней ставил, и не пыталась оправдаться. Не пыталась даже объяснить, по какой причине так поступила.

Почему?

Когда Райнес ушла, оставив меня один на один с тысячей вопросов, звенящих в моей голове, я заставил себя оторвать взгляд от калитки и посмотрел на Алёну. Она неосознанно улыбалась, глядя в след этой женщине. Это было непривычно видеть. После смерти Нади, племянница улыбалась крайне редко, а чтобы вот по-настоящему искренне, наверное, впервые.

– Ты закончила с цветами? – я вырвал её из задумчивости своим вопросом.

– А? Нет, ещё нет, – смутилась Алёна и поспешила назад к клумбе.

– Алён, подожди, – остановил её. – Давай немного поговорим.

Племянница послушно зашла со мной в дом. В зале никого не было, но всё же я хотел задать ей несколько вопросов с глазу на глаз, поэтому сразу же направился в кабинет. Бросил на стол папку с документами и показал Алёне на диван.

– Присядь.

– Я... я сделала что-то не так? – неуверенно спросила она, устроившись на самом краешке.

– Нет, Алёна. Всё нормально. Я просто хочу спросить тебя кое о чём, – вздохнул, не зная как задать волнующий меня вопрос.

– Хорошо, – негромко откликнулась она, сжимая руками колени.

Алёна жила в моём доме уже неделю, но всё ещё чувствовала себя тут не очень комфортно. Я понимал, что нужно больше времени, но её потерянный и смущенный вид раз за разом выбивал меня из колеи.

– Если эта тема будет тебе неприятна, и ты не захочешь говорить со мной об этом – я пойму, – предупредил я, глядя как большие карие глаза племянницы округляются и настороженно застывают, не мигая.

– Хорошо, – вновь повторила Алёна, ещё тише.

– Ты... – запнулся, пытаясь подобрать слова, но в моей голове всё сводилось к одному вопросу: – Ты помнишь что-нибудь о своей родной матери?

Алёна побледнела, и некоторое время не произносила ни одного слова. Я успел пожалеть, что вообще задал этот вопрос.

– Я... мало что о ней помню, – уклончиво ответила она, опустив взгляд. – Почему ты спрашиваешь?

Потому что твоя родная мать совсем рядом, и я до сих пор не знаю, правильно ли поступил, подпустив её к тебе...

– Я хочу иметь небольшое представление, как ты жила до того момента, как Надя стала твоей мамой. Но, как я уже предупредил, ты можешь ничего мне не рассказывать. Просто уйти к себе, и я обещаю больше никогда не затрагивать эту тему.

Алёна долго рассматривала свои руки, перебирая пальцы. Её лицо стало не по возрасту серьёзным и хмурым.

– Некоторое время я считала, что эта женщина умерла, – тихо промолвила она. – Потому что тетя, у которой она бросила меня, сказала, что моя мама теперь живёт на небе с ангелами. А чуть позже за мной пришли две женщины, и объяснили, что теперь я буду жить в другом месте. Там, куда меня привели, одна из сотрудниц назвала меня отказной. Я решила, что меня обозвали, потому что не понимала смысл этого слова. И только потом, другие дети, которые были постарше, объяснили мне его значение. Для меня это стало настоящим потрясением, я не могла поверить. Ведь тогда я считала, что мама меня любила. Она... обещала вернуться. И я ждала. Долго. Никого не слушала и верила, что она придёт. Когда меня познакомили с новой мамой-Надей, я ещё помнила лицо настоящей матери. Тогда я сильно расстроилась и сказала ей: «Ты не моя мама». На что она мне ответила, что мамы бывают разные: те, кто родил своих деток, и те, кто забирает уже рождённых, поселяя их в своём сердце. Я объяснила ей, что жду маму, которая меня родила. Но мама-Надя попросила разрешить ей приходить ко мне в гости. И она приходила. Практически каждый день, сначала просто играла со мной, потом стала забирать на прогулки в парке. Я и не заметила, как стала ждать её прихода. Даже не знаю, сколько времени это длилось. Однажды мама-Надя не пришла ко мне два дня подряд. Я испугалась, что она больше никогда не придёт, и долго плакала. Никак не могла уснуть. И когда она появилась на следующее утро, я попросила её забрать меня с собой навсегда.

На какой-то короткий момент в кабинете повисла пауза. Алёна выдохнула и часто заморгала, обронив на острые колени две слезинки. Беззвучно и неожиданно. Я далеко не самый сентиментальный человек, но при виде этого, у меня сжалось сердце.

– Я не знаю, когда именно я забыла лицо той женщины, что меня родила. Но помню, когда обнаружила это. Я училась в первом классе. На уроке рисования нас попросили изобразить портрет своей мамы. Именно тогда я попыталась воссоздать её образ в памяти и... ничего. Я видела лишь красивое лицо мамы-Нади, её добрую улыбку и ласковый взгляд. В тот момент я окончательно осознала, кто именно является моей настоящей матерью. А та женщина... для меня умерла. Мне нечего вспомнить о ней. Совсем. Я даже не уверена, что не выдумала те чувства любви и заботы, что ощущала от неё в то время, когда мы были вместе. Ведь если любишь кого-то, то никогда не бросишь его. Правда? – Алёна подняла на меня полные слёз глаза. – Единственное, что я помню из своего прошлого, это музыкальные занятия. Вернее одно из них. Я помню, как та мама, пришла в кабинет, где я занималась и попросила меня выйти. Она сильно переживала, у неё дрожали руки. Тогда я подумала, что сделала что-то не так и испугалась. Ушла, как она велела. А, когда мы поехали домой, та мама заплакала. Сильно, громко, страшно. Я никогда раньше не видела её такой и тоже плакала. Решила, что это моя вина. И, возможно, так и было, потому что вскоре эта женщина меня бросила.

Племянница снова сморгнула слёзы и стихла. Теперь мне понятно, почему в сознании девочки сформировался ярко-выраженный пунктик «я сделала что-то не так».

– Алёна, – я сел к ней ближе, обнимая за плечи. – Люди живые и они, как правило, несовершенны. Любой может совершить ошибку и сделать что-то не так. Но я уверен, в том, что та женщина так поступила, нет твоей вины.

– Ты говоришь совсем как мама, – улыбнулась Алёна сквозь слёзы.

– Потому что это правда, – улыбнулся в ответ. – Извини, что я поднял неприятную для тебя тему. Обещаю, больше мы к ней не вернёмся.

– Я пойду. – Алёна встала с места. – Нужно заниматься. Спасибо, дядя Влад.

– За что? – вскинул брови.

Алёна смущённо пожала плечами.

– Ну... Благодаря тебе у меня всё ещё есть семья.

На следующий день я приехал в офис раньше обычного. Валентины ещё не было на месте. Зашёл в небольшую комнату отдыха для персонала, включил кофемашину и настроил аппарат на двойной эспрессо. Едва я успел взять чашку с горячим напитком, как в приёмной отворилась дверь.

– Показывай скорее, – прозвучал торопливый шёпот.

Я замер, прислушиваясь.

– У меня на столе папка, – послышался ответ, и я узнал голос Валентины. – Я видела эскизы вечером, когда вернулась. Думаю у тебя нет шансов. Влад выберет её модели.

– Да ну, – протянула первая, уже громче – это была Дарья.

Зашелестели бумаги.

Я беззвучно подошёл к приоткрытой двери, и увидел сквозь небольшую щель силуэт Дарьи, склонившейся над столом. Перед ней раскрытая папка с эскизами.

– Вот ведь коза... – раздражённо высказалась Ромаданова. – И чего она этим добивается? Хочет на место главного дизайнера? Везде суёт свой нос и прыгает перед Владом на задних лапках! Ты знаешь, что она вчера к нему домой рванула, якобы документы какие-то передать?

– Серьёзно? Может она того... соблазнить его хочет?

– Вот не удивлюсь! Небось всю свою хваленую карьеру через постель сделала. Вчера с Алексеем в коридоре ворковала, представляешь?

– С Прониным?! – ахнула Валентина.

– Разумеется!

– Ладно, давай сюда! – Валя тянется за папкой. – Влад скоро придёт. Положу ему на стол, чтобы ознакомился.

– Да погоди ты!

Дарья без каких-либо колебаний забрала листы, заменив их другими, из своей папки.

– Ты что делаешь?!

– Учю эту зазнайку не лезть в работу других! – ответила та, гордо вскинув подбородок.

– Ты с ума сошла? А если она шум поднимет?!

– Не поднимет, не кипишуй. Доказать она всё равно ничего не сможет.

Валентина недовольно цокнула, но бороться за справедливость не торопилась. Забрала папку и пошла в мой кабинет, в то время как Дарья, довольная улыбнувшись, устремилась на выход.

Сказать, что я был в шоке, ничего не сказать. Я конечно знал, что Райнес тут недолюбивают, но чтобы до такой степени – и предположить не мог. Поставил чашку на стол и шагнул в приёмную.

Валентина вышла меньше чем через минуту, испуганно подпрыгнув на месте.

– Владислав Валерьевич, вы уже тут! Здравствуйте!

Прищурился. Дойдёт ли до секретаря, что я стал свидетелем возмутительного поступка, который она мало того, что допустила, так ещё и посодействовала?

– Кофе будете? – пискнула Валентина, хлопая ресницами.

– Спасибо, я только что налил.

Её глаза стали похожи на маленькие блюдца, наполненные испугом. Вот теперь точно дошло.

– Пройдём в мой кабинет. – Я открыл дверь и некоторое время ждал, когда Валентина придёт в себя.

– Владислав Валерьевич, вы всё не так поняли... – залепетала она, но послушно шагнула внутрь кабинета.

– Сейчас мы это и проверим, не переживай, – перебил я. – Что тут для меня?

Открыл папку, лежавшую посередине моего стола. Перед глазами предстал набросок комбинезона. Множество кнопок-застёжек заменил стандартный вариант – замок-молния и клапан на липучках. По сути – это прошлогодняя модель с небольшими изменениями в деталях. На главную новинку весенней коллекции, что по традиции должна быть исключительной, не тянет.

– Эскизы... – выдавила в ответ Валентина.

– Это я вижу. От кого они? – Взглянул на неё исподлобья.

– От Дарьи, – выдохнула помощница.

– Вот как. А от Райнес значит ничего не было?

Валентина понуро опустила голову и неопределённо пожала плечами, тем самым подписав себе приговор.

– Я не услышал ответа.

– Наверное не было. Я... вчера попала в аварию, и некоторое время отсутствовала на рабочем месте, поэтому не могу сказать точно. Если позволите, я отлучусь на минуту и уточню.

Позволил бы, не будь я уверен, что она побежит звонить не Наталье, а Дарье. Поэтому лишь отмахнулся.

– Собери срочное собрание, Валентина, – я даже не пытался скрыть раздражение в голосе. – Хочу видеть всех модельеров и дизайнеров через десять минут. И да, самое главное – звонить будешь при мне.

– Хорошо, – с готовностью отозвалась Валентина и поспешила за своим справочником.

Меньше чем за пять минут она обзвонила всех нужных мне сотрудников, и с чувством выполненного долга уточнила:

– Теперь я могу идти?

Нет уж. Я не собирался давать возможность своему почти бывшему секретарю остаться наедине. Не зря говорят: доверие сложно завоевать, легко потерять и невозможно восстановить.

– Нет. Пока все не соберутся, тебе лучше остаться здесь.

Глава 7

За что я всегда любил свою команду, так это за дисциплинированность и серьёзный подход к работе. Никто из сотрудников не заставил себя ждать. Через десять минут все были в сборе. Дарья вела себя, как ни в чём не бывало. Будничным тоном поздоровалась с коллегами и даже улыбнулась той, чьи работы только что украла. А затем села на ближайшее к моему столу место, положив перед собой папку.

– Владислав Валерьевич, я вчера задержала эскизы... – негромко начала говорить Наталья.

– Поговорим об этом позже, – кивнул я, обводя взглядом присутствующих. – Итак, приступим. Как я уже говорил, мы всё ещё не определились с моделью детского комбинезона. А времени у нас остаётся всё меньше. С эскизами Натальи я уже ознакомился, но они не подходят.

В этот момент Дарья довольно улыбнулась, не сводя глаз с Райнес. А та, в свою очередь, едва заметно поджала губы, и подалась вперёд. Но перебивать меня не стала.

– Дарья, – отвлек свою сотрудницу от ликования нечестной победы. – Вам есть чем порадовать?

– Да, – с готовностью кивнула она, и уже встала из-за стола, чтобы вручить папку.

– Прошу прощения, – вмешалась Наталья, как я и ожидал. Никого из присутствующих не устроило бы, если их работы отклонили без каких-либо комментариев. – Я могу узнать подробнее почему мои эскизы не соответствуют?

Дарья возмущённо фыркнула, положив передо мной якобы свои работы. Я даже не взглянул на них, всё моё внимание было сосредоточено на Райнес.

– Наталья, вы дизайнер, не модельер. Вам ли не знать разницу? – Я протянул ей папку с работами, чтобы она сама увидела то, как с ней поступили. – От вас нужна новая разработка модели, а не переделка прошлогодней. Даже если Надежды Валерьевны больше нет в нашей команде, её дом моды не должен терять лицо.

Изящные дуги чёрных бровей хмуро выпрямились. Наталья раскрыла папку и замерла. Секунда за секундой кровь отливала от её лица, глаза нервно и недоверчиво изучали рисунки, к которым она не имела никакого отношения. Я понимал, что мог не затягивать весь этот цирк, но я должен знать её реакцию на подобную подлость.

Наконец Наталья подняла голову и закрыла папку. На лице не осталось ни тени растерянности или сомнений. Смело расправив плечи она заявила, глядя мне прямо в глаза:

– Это не мои работы. – Её голос был стальным и холодным.

Именно в этот момент я принял решение, что этот человек просто обязан быть в моей команде. Причём так же близко, как была Надя. Все мои сомнения по поводу общения бывшей, если можно так сказать, матери с Алёной ушли на второй план. Такими ценными кадрами разбрасываться абсурдно.

– Надо же! Вот, оказывается, как нужно говорить, чтобы избежать замечания от руководства! – Издёвка Дарьи вырвала меня из густого потока размышлений.

Я жестом прервал её и обратился к Наталье:

– Что вы имеете в виду?

– Ровно то, что и сказала – это не мои эскизы.

– На что вы намекаете?! – продолжала возмущаться Ромаданова. Играла она на удивление правдоподобно. – Что кто-то намеренно подменил ваши модели на другие?

– Дарья, хватит, – холодно оборвал её, начиная терять терпение. – Сядьте, пожалуйста, на место.

Она недовольно поджала губы и отошла.

– Я вполне допускаю, что могло произойти какое-то недоразумение, – тем временем говорила Наталья, но тон её голоса и сверкающий вызовом взгляд противоречили словам – она и минуты не сомневалась, что её подставили. – И мои работы каким-то образом потерялись. Но я могу сделать набросок прямо сейчас, без детальной проработки.

Не дожидаясь моего ответа, она раскрыла свой ежедневник на пустой странице и заскользила ручкой по пролинованному листу, штрих за штрихом воссоздавая модель комбинезона по памяти.

– Там было несколько вариантов. Если вас заинтересует модель, я... – Наталья стихла и напряглась, когда я подошёл к ней со спины, чтобы лучше разглядеть набросок. – Сделаю всё в деталях, – договорила она чуть тише.

– Достаточно, – забрал ежедневник Натальи и сравнил с оригиналом.

Краем глаза заметил, как Ромаданова нервно засуетилась, смотря куда угодно, лишь бы не в нашу с Натальей сторону.

– Ничего не хотите сказать, Дарья? – поднял на неё взгляд.

– Я? – Она невинно хлопала глазами. – А что я должна сказать?

– Что ж, видимо, ничего, – заключил холодно. – Ваши эскизы Наталья, – вернул папку законному владельцу. – Прошу всех ознакомиться, будем работать с данной моделью, поэтому если есть какие-то замечания, самое время их обсудить. Но прежде... – снова бросил хмурый взгляд на Дарью, – Вам лучше признаться во всём самостоятельно и извиниться перед коллегой.

– Я не понимаю... – Упиралась она в ответ. – Это мои работы!

Заметил как Наталья выпрямилась, возмущение и протест буквально кричали в её тёмных глазах, но до споров она не опускалась. Ещё одна неплохая черта – доказывать свою позицию уверенно и спокойно, без скандалов и истерик.

– Очень неразумное заявление. – Я разочарованно покачал головой. – Достаточно пары вопросов, касающихся деталей, и всем станет понятно, что это не так.

– Владислав Валерьевич, что вы имеете ввиду? – задала вопрос Полина.

– Коллеги, сегодня я стал свидетелем возмутительного поступка, когда Дарья Ромаданова, ввиду личной неприязни, наглым образом присвоила интеллектуальную собственность Натальи Райнес – её эскизы. Я собрал вас так рано не просто так, а для того, чтобы Дарья не успела каким-либо образом изменить эскизы под себя или же разобраться во всех деталях.

Лицо почти уже бывшего дизайнера моментально покрылось бордовыми пятнами, а по кабинету пронёсся удивлённо-возмущённый рокот. Наталья повернулась ко мне. В её глазах легко читалась благодарность и облегчение.

– Я думаю вы должны об этом знать, потому что в следующий раз так могут поступить и с вами, – продолжил я. – Дарья, к сожалению, вы не справляетесь с возложенными на вас обязанностями. Вы можете перейти в отдел конструкторов и создавать лекала.

– В конструкторы? – ошарашено переспросила Дарья. – Меня? Я ведь столько лет тут работаю...

– В моей компании вам навсегда закрыт доступ к команде модельеров. – Не стал выслушивать самовосхваления. – Если подобный вариант не устраивает, вы можете написать заявление на увольнение. Соответствующая поведению характеристика будет вам обеспечена.

– Но...

– Решение за вами. Можете быть свободны, не задерживайте нам совещание. – Я показал рукой на дверь.

Дарья медленно встала из-за стола, и покинула кабинет в сопровождении гробовой тишины.

– Наталья, – вновь вернул внимание затихших коллег на себя. – Мы работаем с вами не так долго, однако вы проявили себя как добросовестный, креативный и опытный дизайнер. С этого дня вы будете исполнять обязанности главного дизайнера, станете моими глазами. Все модели будут согласовывать с вами. У кого-то есть возражения?

И снова тишина. Благоразумная на сей раз. Сотрудники были со мной солидарны.

После совещания мы с Натальей обсудили размер оплаты труда и её желание перевестись в штат сотрудников. Её полностью устраивало моё предложение. Ведь заключенный между нами контракт был временный, а руководящая должность в штате компании была наиболее надежным звеном, связывающим её с дочерью.

– Я вас не подведу, – благодарно улыбнулась Наталья, когда мы закончили.

Невольно отметил, что редкая, красивая улыбка, касающаяся её губ, очень ей идёт. Я бы даже сказал – рождает в ней другого человека.

– Я на это рассчитываю, – ответил я. – Можете идти.

Перед самым выходом Наталья остановилась.

– Владислав Валерьевич, можно вопрос?

– Разумеется.

– Если бы вы не стали свидетелем подмены эскизов, вы бы мне поверили?

Я вздохнул, задумавшись.

– Я бы обязательно выслушал вас, Наталья. И проверил бы все версии, – ответил честно.

Она опустила взгляд, и словно хотела спросить что-то ещё, но не сделала этого. Развернулась и быстро вышла из кабинета. Некоторое время смотрел на то место, где только что стояла Райнес и не понимал своих ощущений. Я был рад. Рад, что она согласилась работать со мной, как мы работали с Надеждой до её болезни. Всегда контроль за модой вела моя сестра, и весьма успешно. А я продвигал и рекламировал. Рад, что я пришёл на работу раньше и увидел подлость собственными глазами. Ведь раньше я и подумать не мог, на что Дарья может быть способна.

Вышел в приёмную, и подошёл к Валентине. Она казалась расстроенной и разбитой. Кажется, даже плакала.

– Владислав Валерьевич. Простите, – шмыгая носом, заговорила секретарь. – Этого больше не повторится...

– Не повторится, – подтвердил я со вздохом. – Работать с тобой у меня больше нет желания. Я на многое закрывал глаза, но не в этот раз. Я сам позвоню в кадры, и сообщу о вакансии. Твоя задача передать текущие дела Лене. Уволишься без отработки.

– Но... за что?!

– Жаль, что ты даже не понимаешь за *что*. Но если хочешь, я объясню. Я закрывал глаза на некоторые недочёты и несостыковки, на вечные сплетни. Но у каждого руководителя свой предел допустимого. Ты без моего ведома показала постороннему лицу эскиз дизайнера, который предназначался мне. Допустила его воровство и спокойно принесла поддельные рисунки на мой стол. И как после этого я могу тебе доверять? Где гарантии, что ты не делала этого раньше или же не сделаешь так снова?

– Владислав Валерьевич, я честно...

– Всё, Валя. Я больше не намерен возвращаться к этой теме. Сдай дела Лене.

Не желая продолжать этот разговор, я ушёл в свой кабинет.

Глава 8

Наталья.

Звонок телефона застал меня в душе, едва я успела намылить голову. Распахнула дверцу кабины, и прохладный воздух моментально коснулся мокрой кожи. Увидев на дисплее имя Влада Ярчинского, я засуетилась так, будто он стоял за входной дверью, а не звонил мне по телефону. Обмоталась полотенцем и схватила с тумбочки сотовый.

– Аллю.

– Добрый вечер, Наталья. Не разбудил? – послышался бодрый голос Влада.

Время действительно уже позднее для внезапных звонков начальства. А если учесть исход каждого из них, у меня появилась реальная угроза просидеть до ночи над очередным хлопотным дельцем.

– Нет, – я бросила взгляд на своё отражение с пеной на голове. – Что-то случилось?

– Да. Лена только что звонила. Наш рейс перенесли с девяти утра на четыре. Поэтому выезжаем в аэропорт ночью.

– Вот как...

Я задумалась. Время больше десяти часов вечера, я ещё даже не искупалась, и, к стыду сказать, не бралась за чемодан.

– Есть проблемы? – Ярчинский истолковал мой ответ по-своему.

– Никаких, – тут же заверила я.

Мы ехали всего на два дня, нужно будет взять только самое необходимое: пару повседневных костюмов и платье на выставку. Поэтому я должна успеть собраться. Правда поспать уже вряд ли получится.

– Во сколько мне нужно быть в аэропорту?

– Мы с Алёной заедем за вами в половину третьего. Пришлите адрес.

При упоминании имени дочери сердце невольно встрепенулось и забилось с удвоенной силой. В любом другом случае я бы настояла на том, чтобы добраться до аэропорта самостоятельно, но сейчас согласилась безоговорочно. Даже в мыслях не было ехать отдельно от Алёны, если Ярчинский сам предоставил иную возможность.

– Хорошо, сейчас вышлю.

Я поспешно сбросила вызов и отправила адрес съёмной квартиры сообщением. Быстро смыла шампунь и высушила волосы. Собиралась я в этот вечер со скоростью света, трижды перепроверила все необходимые для поездки документы и прилегла вздремнуть хотя бы на часок. Но волнение отчаянно не пускало сон даже на минуту. К половине второго ночи я сдавалась и, застелив постель, направилась на кухню, пить крепкий кофе.

Ярчинский перешагнул порог моего дома ровно в назначенное время. Пунктуальность его конёк, за период нашей совместной работы я неоднократно в этом убеждалась.

– Готовы? – немного устало спросил он.

– Я бы могла спуститься сама, – смущённо проговорила я вместо ответа.

Накинула на плечи плащ и мы одновременно потянулись за моим чемоданом. Лёгкое касание моих пальцев до его руки смутило ещё больше. Да что со мной? Я редко так реагировала на мужчин, но Ярчинский исключение из правил. В его присутствии волнение неизменно охватывало меня, а пристальный изучающий взгляд тёмно-зелёных глаз вызывал желание оправдаться. Только за что?

– Я помогу. – Влад всё-таки взялся за ручку чемодана и выпрямился, прибавляя расстояние между нами и рассеивая нарастающее напряжение в моём теле.

Я отвела взгляд, схватила ключи с полки в прихожей и мы вместе вышли на лестничную площадку. Лифт ожидать не пришлось, за такой короткий период времени, и к тому же ночью, среди жильцов не нашлось желающих вызвать его на другой этаж.

В кабинке лифта я почувствовала себя ещё менее комфортно, чем в прихожей квартиры. Ярчинский занимал слишком много пространства, причём не в физическом плане. Он словно обволакивал своей нереальной аурой, едва уловимым запахом дорогого парфюма и неоспоримой уверенностью в себе. При этом не произносил ни слова, даже не смотрел в мою сторону. Я смогла выдохнуть лишь когда мы оказались в ночной прохладе улицы, на широком крыльце многоэтажной высотки.

Из чёрной машины представительского класса вышел водитель. Владислав вручил ему багаж и открыл для меня заднюю дверь, жестом приглашая в салон.

– Здравствуйте, Наталья Романовна! – я услышала взволнованное щебетание Алёны, когда устроилась на сиденье.

Ярчинский сел рядом с водителем, бросив на меня короткий взгляд через зеркало заднего вида. Наблюдал за моей реакцией.

– Привет, Алёна, – я улыбнулась, стараясь не обращать внимание на опекуна своей дочери. – Пospала хоть немного?

– Немного, – повторила она, кивнув. – Но сейчас почему-то спать совсем не хочется!

– А как прошла твоя презентация по математике?

– Сдала на отлично! – Алёна покачала головой, словно сама подобного не ожидала. – Я даже удивилась! Анна Викторовна очень строгая и требовательная. У неё редко кто получает высший балл. По крайней мере так о ней отзываются одноклассники.

Мы тронулись и Влад наконец-то отвёл взгляд на полупустую дорогу.

– У тебя уже появились друзья? – спросила осторожно.

– Да. Алина, моя соседка по парте. И Артур. Он помогает мне с английским. В гимназии изучают иностранные языки углублённо, и я немного отстала, потому что в прежней школе была другая программа.

– Неужели?

– Да. Дядя Влад сказал, что некоторое время я буду ходить к репетитору, пока не догоню одноклассников.

Украткой посмотрела на отражение Влада. Наши взгляды вновь пересеклись через водительское зеркало. Лишь на мгновение, пока я снова не вернула всё своё внимание дочери. Не знаю почему, но я не хотела, чтобы Ярчинский увидел, насколько я благодарна за его заботу об Алёне.

– Уверена, ты быстро догонишь одноклассников, – подбодрила я, и перевела наш разговор на тему предстоящей выставки.

Я всегда боялась летать на самолётах. Аэрофобии у меня, к счастью не было, но ощущения во время полёта были не самые приятные. Особенно если взлёт или посадка осуществлялись во время непогоды. Как сейчас.

По прилёте нас встретил унылый дождь, о чём и предупредил перед посадкой капитан самолёта. Выдохнула и постаралась сосредоточиться на чём-то радостном. Тут же ощутила на себе внимательный взгляд Ярчинского, что сидел от нас по другую сторону прохода, но обращаться не стала. Наоборот, повернулась к Алёне, которая весь полёт провела в полудрёме, и помогла ей пристегнуться ремнём безопасности.

– Уже прилетели? – сонным голосом спросила она.

– Почти, – улыбнулась ей.

Когда я отвлёклась на Алёну, мои страхи отошли на второй план. Я даже не заметила как самолёт коснулся земли и вскоре мы вышли из здания аэропорта под моросящий дождь.

Если я думала, что наше путешествие пройдет без каких-либо проблем, то очень сильно ошибалась. С первой проблемой мы столкнулись сразу же по прибытии в отель. Номера нам должна была забронировать ещё прежняя секретарша Влада Валентина, она даже сделала соответствующие пометки в графике, что номера забронированы. Наверное, именно поэтому Лена была спокойна за этот пункт в графике своего начальника и записала ему нужный адрес. В итоге оказалось, что в гостинице нас не ждали, и свободных номеров не оказалось.

Алёна устало зевнула и устроилась на мягком диване, подальше от рассерженного нелепой ситуацией дяди. Я же слушала его телефонный разговор в пол-уха. Всё моё внимание было приковано к дочери. Она явно хотела спать после бессонной ночи, а наш отдых откладывался на неопределённое время.

– Проверь исполнение всех поручений, что были на Валентине, Лена. Чтобы впредь таких ситуаций не было.

Ярчинский отключил телефон и с тяжёлым вздохом подошёл к нам.

– Есть вариант остановиться в квартире Надежды, – говорит он негромко, только для моих ушей. – Я, правда, не хотел, чтобы Алёна туда возвращалась...

– Владислав Валерьевич! Простите! – к нам семенила администратор отеля. – После двух часов у нас будут свободны два двухместных номера класса люкс. Мы сделаем вам хорошую скидку в связи с этими неудобствами...

Я посмотрела на время. Ещё и семи утра не было. Если бы не бессонная ночь и дождь, что с каждой минутой набирал силу, мы могли бы прогуляться по городу, но ожидать освобождение номеров до двух часов дня в холле отеля, данном случае, казалось непосильным испытанием для уставшего ребёнка.

Видимо Ярчинский был со мной солидарен. Думаю, скидки этого мужчину волновали меньше всего. Бросив на меня ещё один короткий взгляд, он проговорил:

– Едем в квартиру Нади.

Вскоре мы переступили порог прежнего дома Алёны, в котором она, несомненно, провела лучшие годы своего детства. С распределением комнат тоже всё было понятно. Я устроилась в гостевой, Алёна у себя, а Ярчинский предпочёл гостиную. В спальню Нади никто не тронул.

Так как квартира давно пустовала, никаких продуктов питания тут тоже не было. Я включила холодильник в розетку и вызвалась сходить за продуктами.

– Не стоит, – отрезал Влад. – На улице начинается гроза. Лучше закажем еду из ресторана. Если займетесь этим, Наталья, буду благодарен, – попросил он и уже собрался выйти из кухни.

– Владислав Валерьевич...

– Влад, – поправил он, обернувшись.

Глаза, цвета нефрита, сосредоточено скользнули по моему лицу. Заметили ли они растерянность и смущение от его странной поправки?

– Наталья, вы работаете со мной бок о бок, практически на равных, помогаете мне с Алёной. Думаю нам можно опустить отчества, – пояснил Ярчинский, склонив голову.

– Хорошо, – кивнула я. – Думаю вы правы, Влад. Я хотела уточнить ваши предпочтения по меню, прежде чем сделать заказ.

– Я всеяден, – он безразлично пожал плечами. – Так что вам лучше уточнить предпочтения у моей племянницы.

Я прищурилась.

– Мне хорошо известны блюда, которые любит Алёна.

И это была чистая правда. Общаясь с дочерью полгода, я разузнала о ней практически всё. Вплоть до любимого фильма и размера обуви.

Ярчинский чуть нахмурился, обдумывая мои слова. Между нами повисло неловкое молчание.

– Вот как, – наконец сказал он так тихо, словно самому себе. – Выбирайте на свой вкус, Наталья. Обычно я с ним полностью солидарен.

Влад вышел из кухни практически бесшумно, и я, выдохнув, стала выбирать ресторан с доставкой.

Когда с заказом было покончено, на улице действительно разбушевалась сильная гроза. Сердце невольно сжалось, стоило мне вспомнить, как маленькая Алёна боялась грозы. Наверняка, её страхи давно ушли, оставив эти воспоминания только в моей памяти.

Проходя мимо её двери, я невольно остановилась. Некоторое время стояла без движения, не решаясь постучать. Возможно, Алёна спала, или, оказавшись в родном месте, совсем не хотела, чтобы её тревожили посторонние. Господи, как же это мучительно. Быть одновременно так близко и так далеко от родной дочери. Но по-другому я уже не могу. Не могу жить вдали от неё, как было на протяжении пяти долгих лет.

Усилием воли я заставила себя сделать шаг от её комнаты, как услышала глухой стук за закрытой дверью. Алёна не спит, и я всё-таки решилась постучаться.

– Проходите, – послышалось тихое приглашение.

Я осторожно приоткрыла дверь. Алёна сидела на просторной кровати, укутавшись в одеяло, и с любопытством вытягивала голову из своего пухового укрытия.

– Можно? – спросила я, и после её короткого кивка, шагнула внутрь.

Я никогда раньше не была в комнате Алёны. И сейчас с неприкрытым восторгом рассматривала большую свободную от мебели стену, на которой висело множество рисунков. Некоторые из них, в основном нижние, были выполнены ещё совсем маленькой Алёной. Это было понятно по причудливым формам, неровным линиям и небрежным мазкам кисти. С каждым новым рядом рисунки обретали всё больше красоты и мастерства их автора.

– Это мама собирала коллекцию. – Алёна заметила мой интерес. – С тех пор, как я стала посещать художественную школу.

Грудь безжалостно сдавило от сожаления. Сколько незабываемых моментов из жизни Алёны прошли мимо меня. Отвела взгляд от стены, стараясь не вспоминать ту роковую ошибку, которая разлучила меня с дочкой и навсегда вырвала моё сердце.

– А ты не хочешь продолжить вести эту коллекцию? – осторожно спросила я.

Алёна неопределённо пожала плечами.

– Я думаю твоя мама была бы этому рада.

– Правда? – Её чистый добродушный взгляд просветлел.

– Уверена в этом, – ответила честно.

– Тогда я заберу их с собой. – Алёна резво поднялась с места и стала откреплять листки.

– Я помогу.

Вместе мы управились быстро. Аккуратно сложили все рисунки, которые, кстати, были подписаны Надей – в каком именно возрасте Алёна их рисовала. Я задержала в руках один из самых ранних рисунков дочери. Взглянув на причудливого рыжего кота с неестественно толстым хвостом, я потеряла дар речи. Даже без надписи «КИТЯ», старательно выведенной Алёной печатными буквами, с повернутой в другую сторону буквой «Я», я узнала этого кота. Это был наш любимый питомец. Мы нашли его с Алёной совсем маленьким, в один из холодных зимних вечеров. Брошенный замёрзший котёнок так отчаянно пищал в коробке возле мусорки, что мы не смогли пройти мимо. Китя прожил с нами полтора года, прежде чем наша жизнь рухнула, словно карточный домик на ветру.

Глаза защипало от непрошенных слёз. Алёна рисовала своего любимца, и, возможно, часто вспоминала о нём.

– Ужасный рисунок, – смутилась она, протягивая руку, чтобы забрать листок.

– Замечательный рисунок, – возразила негромко, едва справляясь с эмоциями.

Я стояла ровно, стараясь не подавать виду, сколько воспоминаний всколыхнуло изображение этого причудливого кота. А внутри, тем временем, горела моя душа, медленно превращаясь в пепел.

Я не стала ничего спрашивать у Алёны. Не хотела беречь её старые раны, которые, я надеюсь, уже давно зажили. Поэтому молча положила листок в протянутую ладонь.

– Ну вот и всё, – выдавила из себя улыбку. – Теперь нужно убрать в чемодан. Лучше в наружный карман, чтобы не помять.

– Спасибо.

Алёна направилась к своему багажу, и в этот момент за окном протяжно пророкотал гром. Я заметила, как она вздрогнула и застыла на мгновение, затем с опаской посмотрела на занавешенное окно. Видимо, Алёна до сих пор немного боялась грозы.

– Ну и погодка, – я решила отвлечь её от шума на улице. – Главное, чтобы к вечеру дождь прошёл. Иначе нам придётся плыть на выставку.

Алёна улыбнулась и снова взглянула на разобранную кровать. В прошлом, моя маленькая дочь всегда пряталась от сильной непогоды под одеялом. Видимо со временем ничего не изменилось.

– Не люблю грозу, – честно призналась она.

Я знаю...

– Тебе лучше отдохнуть, – предложила в ответ. – Поспишь, и всё закончится.

Алёна неуверенно кивнула.

– А вы тоже пойдёте спать?

Зная о страхах дочери, оставлять её одну я не хотела. Поэтому принялась импровизировать на ходу:

– Мне нужно немного поработать. А у тебя отличный мольберт, он бы пригодился. Если ты не против, я могу поработать у тебя, пока ты спишь. Обещаю, буду тихой как мышка.

– Не против. – Мне показалось, что Алёна даже выдохнула с облегчением. Остаться одной ей явно не хотелось.

Она забралась в постель и, уставшая, после бессонной ночи, уснула быстро. А я тихонько сидела за мольбертом, практически без движения, и даже дышала через раз. До тех пор, пока не рискнула подойти ближе. Осторожно, лишь бы не разбудить, я легла с краю кровати и ещё долго любовалась расслабленными, умиротворенными чертами лица своей дочери. Она была так близко, на расстоянии вытянутой руки, но прикоснуться я не решалась.

Сон настиг меня незаметно. И впервые за долгое время, он был по-настоящему спокойным и безмятежным. Сквозь дремоту услышала тихие приближающиеся шаги, но глаз разомкнуть не смогла. Почувствовала, как плеч коснулось что-то мягкое, едва уловимое, и всему телу стало гораздо теплее. Какое-то время я ощущала чьё-то присутствие рядом, затуманенное сознание рисовало неясный, но такой знакомый образ. Послышался тихий шорох, щелчок двери, и всё исчезло.

Глава 9

Я проснулась ближе к обеду. Сквозь плотные шторы цвета спелого абрикоса пробивались унылые лучи солнца. Ливень больше не барабанил по стёклам – погода налаживалась. Алёна всё ещё спала, свернувшись клубочком, из-под одеяла виднелась лишь темноволосая макушка.

Живот недовольно заурчал, напоминая об утренней голодовке. И в заторможенном после сна сознании прозвенел тревожный звонок – заказ еды из ресторана! Я проспала его! Торопливо поднялась с кровати, убирая в сторону плед. Недоуменно осмотрела пушистое бледно-голубое покрывало. Откуда оно вообще взялось? В ответ на невысказанный вопрос в памяти мелькнуло воспоминание из моего сна. Значит, мне не почудилось – к нам действительно заходил Влад.

Пригладила волосы и расправила одежду. Нужно срочно привести себя в порядок и переодеться. А ещё с едой, наконец, разобраться. Стараясь не шуметь, я на цыпочках выскользнула в коридор. Тихо щёлкнула дверь и понеслась за забытым на кухне телефоном. Едва успела свернуть к арке, как налетела на шедшего мне навстречу Владислава. Воскликнула от неожиданности, в один миг разрушив все свои старания сохранить тишину, и рефлекторно отпрянула, чуть не стукнувшись головой о косяк арки.

– Осторожнее! – Влад придержал меня за талию, притягивая обратно к себе.

Крепкая однако у него хватка. Движения уверенные и чёткие. Такого человека сложно вывести из равновесия, по крайней мере неожиданным столкновением. Что нельзя сказать обо мне. Наша внезапная близость остро кольнула по моему самообладанию. Я застыла, глядя в глубокий, тёмно-зелёный омут его глаз, а из головы напрочь выбило все мысли. Зачем я вообще сюда шла?

Влад отстранился первым, хоть и продолжал удерживать меня взглядом. Это дико смущало. Я чувствовала себя чуть ли не школьницей, на которую нежданно-негаданно обратил внимание самый видный плейбой.

– Извините, – произнёс он низким бархатным голосом. – Не услышал вас.

– Я старалась не шуметь, чтобы не разбудить Алёну, – невнятно пробормотала в своё оправдание. – А ещё, я, кажется, проспала наш заказ.

– Я его получил. Но еда уже остыла. Нужно будет подогреть.

– Спасибо.

– Не за что, – Ярчинский обаятельно улыбнулся.

Мотнула головой, пытаюсь справиться с непрошеными эмоциями. Влад Ярчинский не может обаятельно улыбаться. По крайней мере мне. Со мной он держится холодно и сдержано. Скорее это у меня голова ещё не прояснилась после утреннего сна, нежели Влад стал вести себя мягче.

Между нами повисла небольшая неловкая пауза.

– Пойду, разбужу Алёну, – негромко сказал он и обошёл меня, разгоняя по воздуху едва уловимый аромат своего парфюма. – Нужно быть готовыми к четырём часам.

– Тогда я подогрею еду, – глубоко вдохнула, стараясь обуздать участившийся пульс.

Успокоиться удалось только занявшись делом. Я разобрала пакеты с доставкой и, мысленно ругая себя за элементарную женскую слабость, оправила первый контейнер в микроволновку. Да, Влад привлекательный мужчина. Даже очень. Но это не повод, чтобы позволять себе заглядываться на чужого мужа. В первую очередь я не должна забывать – Влад женат. И мне бы не хотелось, чтобы он заметил, какое впечатление на меня производит. Нельзя ошибаться, чтобы не нарваться на проблемы. Влад – единственная ниточка, связывающая меня с дочерью. И я не должна оборвать её одной глупой ошибкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.